

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

МАУРИЦИО де ДЖОВАННИ

КРОВАВЫЙ
ПРИГОВОР

ВЕСНА КОМИССАРА РИЧАРДИ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ЛУЧШИЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ АВТОР 2010 ГОДА»

Один из лучших современных авторов детективов. Эта книга настоящий шедевр, который должен быть по достоинству оценен поклонниками жанра.

The Daily Beast

Маурицио де Джованни

Кровавый приговор

Серия «Комиссар Ричарди», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8486826
Кровавый приговор: роман: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05463-0

Аннотация

Неаполь, апрель 1931 года. Весенний ветерок будоражит кровь мужчин и заставляет терять голову женщин в ожидании романтических приключений. Но не такие настроения витали в странной для престижного квартала Санита убогой квартире старухи Кармелы Кализе, растерзанной кем-то явно в бешеной ярости... Вместе с бригадиром Майоне расследование ведет прославленный комиссар Ричарди, обладающий скрытым ото всех даром: он может видеть образ покойника, погибшего насильственной смертью, слышать его последние слова, распознавать предсмертные чувства. Несмотря на полное отсутствие свидетельских показаний, Ричарди выявляет, чем занималась Кармела, – она была гадалкой и ростовщиком. И значит, месть могла настичнуть ее за многое и от многих...

Содержание

1	4
2	14
3	20
4	26
5	30
6	35
7	43
8	48
9	53
10	59
11	67
12	72
13	79
14	84
15	87
16	94
17	99
18	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Маурицио де Джованни

Кровавый приговор

Роман

Посвящается мальчику в коляске – моему отцу

1

Во второй половине дня пролился дождь – последний дождь зимы, но никто не мог об этом знать. Мокрая мостовая отражала слабый свет фонарей, которые теперь висели над улицей неподвижно, потому что ветра не было. В этот вечерний час светились только окна парикмахерской. Внутри был виден мужчина, натиравший до блеска латунную раму зеркала, – парикмахер Чиро Эспозито.

Чиро невероятно гордился своей профессией. Он начал учиться парикмахерскому делу с детства и смел не одну бочку волос с пола этого заведения, которое принадлежало сначала его деду, а потом отцу. С ним обращались точно так же, как с остальными работниками; ему даже доставалось чуть больше затрещин за то, что опаздывал на несколько секунд, подавая бритву или влажное полотенце. Но это пошло ему на пользу. Тогда так же, как теперь, у него были клиенты не

только из квартала Санита, но и из дальнего Каподимонте. У парикмахера были с ними прекрасные отношения: он хорошо знал, что мужчины приходят в парикмахерскую не только чтобы привести в порядок волосы и бороду, а главным образом для того, чтобы ненадолго освободиться от работы и жены, а некоторые – и от партии. У него развилось особое чувство, которое подсказывало ему, когда надо болтать, а когда молчать, и научило всегда находить, что сказать на любимые людьми темы.

Он стал большим знатоком в вопросах футбола, женщин, денег и цен, чести и бесчестья. Политики он избегал: в те дни она была опасной темой. Уличный торговец фруктами однажды посетовал, что ему трудно получить товар для продажи, так четыре типа, которых никогда не видели в этом квартале, сломали его тележку и обозвали «свиньей-пораженцем». Избегал парикмахер и сплетен: тут никогда невозможно быть уверенным. Он гордился тем, что его салон был чем-то вроде клуба. Именно по этой причине его тревожило случившееся месяц назад происшествие, которое бросило тень на его почтенное заведение.

В его парикмахерской человек убил себя. Это был давний клиент, который ходил в салон еще при отце Чиро, жизнерадостный по натуре, шумно проявлявший любое свое чувство. Он постоянно жаловался на жену, детей и вечную нехватку денег; был государственным служащим, но Чиро не помнил, где тот служил, а может быть, и никогда не знал это-

го. В последнее время перед самоубийством он стал мрачным и рассеянным, больше не разговаривал и не смеялся знаменитым шуткам Чиро: жена бросила его и забрала с собой их двоих детей.

И вот совершенно неожиданно, когда Чиро бережно проводил бритвой по его левой бакенбарде, этот человек схватил руку парикмахера за запястье и всего одним решительным движением перерезал себе горло от уха до уха. На счастье Чиро, в этот момент рядом были его помощник и два клиента, иначе было бы невозможно убедить полицейских и прокурора, что это самоубийство. Чиро сразу же все убрал, на следующий день не стал открывать парикмахерскую и старательно следил за тем, чтобы о случившемся ничего не стало известно. Помогло ему то, что самоубийца был из другого квартала. В таком суеверном городе его парикмахерская едва не приобрела дурную славу.

Именно об этом Чиро Эспозито думал в тот последний вечер зимы, закончив уборку и приготовившись задвинуть два тяжелых деревянных засова, которые защищали дверь парикмахерской. Он единственный здесь, на улице Сальватора Розы, заканчивал работать так поздно.

Но его рабочий день еще не закончился: в парикмахерскую вошел мужчина и пробормотал:

– Здравствуйте.

Чиро узнал его: это был один из самых странных клиентов. Худой, среднего роста, молчаливый. Возраст – около

тридцати. Смуглый, губы тонкие. Никаких особых примет, кроме глаз – зеленых, с неподвижным, словно остекленевшим взглядом, и того, что он никогда, даже в разгар зимы, не носил шляпу. Чиро мало знал о нем, но от того, что знал, беспокойство, которое он всегда испытывал, когда этот человек был рядом, становилось сильнее. В такие времена, как сейчас, не стоило раздражать клиентов, особенно постоянных, а этот как раз был не из самых легких. Поздоровавшись в ответ, парикмахер сел, закрыл глаза, словно заснул, и, выпрямившись в своем кресле, словно мумия, произнес:

– Добрый вечер, доктор. Что будем делать?

– Спасибо, только подстричь волосы. Не очень коротко. И побыстрее.

– Да, синьор. Мигом закончу и отпущу вас. Садитесь.

Клиент тоже сел и огляделся. А потом вдруг вздрогнул и на секунду задержал дыхание. Он посмотрел на кресло в глубине зала – то, где закончил свой век самоубийца. Или это только показалось Чиро? Парикмахер подумал, что мысль о той смерти становится у него навязчивой идеей: ему кажется, что все, кто входит к нему, замечают пятна крови, которые он так старательно смыл.

Клиент резким движением откинул со лба непослушную прядь волос, конец которой падал на его тонкий нос. При искусственном освещении он выглядел как человек с больной печенью: смуглая коричневая кожа побледнела и казалась желтоватой. Он вздохнул и закрыл глаза.

– Доктор, вы хорошо себя чувствуете? Может быть, я принесу вам стакан воды?

– Нет, нет. Но, пожалуйста, работайте быстрее.

Чиро стал быстро подстригать ему волосы на затылке. Он не мог знать, что именно старался не видеть клиент, закрывший глаза.

А клиент видел, что в глубине зала сидит в кресле мужчина – голова свесилась на грудь, руки бессильно упали на колени, вокруг шеи – черная парикмахерская салфетка, завязанная сзади. А над самой салфеткой огромная рана в форме дуги; такой линией дети рисуют улыбку. Из раны ритмично выплескивалась волна крови. Хотя веки позднего посетителя были плотно сжаты, он знал, что мертвец медленно поворачивает к нему голову: услышал легкий щелчок шейных позвонков, а потом влажный звук трущихся один о другой краев раны.

«Хотел бы я услышать, что сейчас говорит эта шлюха теперь, когда я отнял у детей отца».

Клиент поднес ладонь к виску. Чиро нервничал все больше: в этот поздний час уже никто не проходил мимо, а его лентяй-помощник недавно ушел. Что еще могло случиться? Ножницы лязгали все быстрее. Клиент заставлял себя держать глаза закрытыми. Парикмахер вытер со лба крупные капли пота: казалось, у него начался жар.

– Мы почти закончили, доктор. Еще две минуты, и я вас

отпущу.

Мертвец в глубине зала продолжал повторять свою жалобу. За широко распахнутой дверью на молчащей улице весна ждала своего часа. Казалось, что и воздух неподвижно замер в ожидании.

Клиент слышал щелчки, похожие на тиканье часов. Половинки ножниц сходились и расходились с бешеной скоростью, словно клешни обезумевшего животного. Что ты хочешь увидеть? Теперь ты уже ничего никогда не узнаешь – ни того, что говорит эта шлюха, и ничего «либо другого».

Парикмахер с глубоким вздохом развязал салфетку и снял ее с шеи клиента.

– Готово, доктор!

Клиент бросил несколько монет на столик, заменявший кассу, и поспешил выйти на свежий воздух: он чувствовал, что задыхается.

Вечер принял в свои влажные объятия Луиджи Альфредо Ричарди, комиссара мобильного отряда сыскной полиции округа Реджиа в Неаполе – человека, который видел мертвых.

Тонино Иодиче вернулся домой, к жене, матери и трем детям. День был очень плохой. Как каждый вечер, он остановился под аркой старого особняка на улице Монтекальварио (Голгофская улица!), чтобы надеть маску усталого, но довольного жизнью отца семейства, у которого дела идут хо-

рошо. Он знал, что это неправда, но делал это для блага жены и детей: не хотел взваливать на их плечи еще и этот груз.

Это ему полагается всю ночь смотреть в потолок и прислушиваться к их дыханию и думать: еще один день полного штиля, и неизвестно, когда эта тишина закончится и их корабль сможет двинуться вперед. Это он должен снова и снова заполнять счета – все те же суммы и все те же дни, ждать, когда закончится срок векселя, и придумывать слова, которыми он попробует убедить старуху дать ему еще один шанс.

Раньше Тонино торговал пищей с собственной тележки. Теперь, вспоминая это время, он думал, что тогда ему жилось неплохо. Беда была в том, что он не понимал этого и захотел изменить свою жизнь. Тогда он вставал в пять часов утра, готовил тесто и масло, приводил в порядок тележку, одевался как можно теплее, если на улице было холодно, или покорно подставлял себя под удары пакостного летнего солнца и отправлялся в путь по городу. Всегда одни и те же улицы, одни и те же лица, одни и те же клиенты.

Эти люди любили Тонино: он пел высоким голосом – красивым голосом, так ему говорила его мать, и то же самое говорили клиенты. Если клиентка была красива, он в шутку притворялся, будто влюблен в нее. Женщины смеялись в ответ и говорили: «Хватит дурачиться, Тони. Дай мне вот эту пиццу и уходи». Он со своей тележкой, свистом и голосом был одним из тех, кто приносит хорошее настроение. Поэтому полицейские обходили его стороной и не спрашива-

ли, есть ли у него разрешение на торговлю и лицензии. Даже случилось, что они подходили к тележке и он предлагал им пиццу «без никаких денег», то есть бесплатно.

Так проходили месяцы и годы. Он женился, и его красавица Кончетина была еще веселей и еще бедней, чем он. Потом, почти сразу друг за другом, родились дети – Марио, Джузеппе и Лючета. Они были красивыми, как их мама, шумными, как папа, а голодными – как оба вместе. Тонино почувствовал, что денег, которые он зарабатывает, торгуя с тележки, семье уже не хватает.

Именно тогда он убедил себя, что, если не попробует найти себе работу лучше, они начнут голодать. Никто не говорил, что люди беднеют, но все становилось беднее и сами готовили себе еду дома. Клиентов стало меньше, а пиццу можно было купить с отсрочкой на восемь дней («ешь сегодня, платишь через неделю»), и многие делали так: съедали свою покупку и исчезали.

Тонино думал, что вне дома обедают богачи, а богачи хотят сидеть за столом, слушать музыканта с мандолиной, пить и веселиться. Старик кузнец из переулка Сан-Томмазо уходил на пенсию и продавал свое помещение. Там можно было поставить два длинных стола и один маленький, а может быть, и два маленьких. Сначала он будет печь пиццы, а Кончета подавать. Потом, когда дела пойдут лучше, им станет помогать Марио – старший сын.

Он собрал сбережения своей мамы и все, что смог выпро-

свить у родных и друзей, но все равно не хватало еще кучи денег. Он продал свою тележку, и теперь пути назад уж точно не было. И в это время один друг сказал ему, что в квартале Санита есть старуха, которая дает деньги в долг под малые проценты и на большой срок.

Тонино пошел к этой старухе и убедил ее дать денег: он хорошо умел уговаривать людей, а пожилых женщин уговорить было легче, чем кого-либо еще. Так он получил необходимые деньги и открыл свою пиццерию на шесть месяцев раньше, чем рассчитывал.

На открытие пришли все родственники, друзья и знакомые. Старухи не было, сказала ему, что не любит выходить из дома. Они пришли и поели у него и в тот день, и на следующий, чтобы это принесло ему счастье. Вот только потом никто из друзей и родных больше не приходил.

Тонино понял, что старики были правы, когда говорили: «Зависть бьет сильнее, чем розга». Конечно, иногда кто-то, проходя мимо, заглядывал к нему, но его пиццерия стояла не на главной улице, и, чтобы попасть в нее, надо было знать, где она находится. Проходили дни, потом месяцы, и Тонино постепенно понял, что поступил как дурак: потратил на обустройство и подготовку заведения столько денег, сколько никогда не сможет вернуть. Через три месяца старуха заменила его обязательство на два новых, увеличив проценты. Потом она дала ему отсрочку на месяц и с криком выгнала Тонино из дома. Она предупредила его, что это последний

срок и теперь он должен заплатить.

Тонино открыл дверь своего дома. Лючета бросилась в его объятия и покрыла его лицо поцелуями. Она всегда первая чувствовала, когда он приходил. Он крепко обнял ее в ответ и с натянутой улыбкой пошел навстречу детям. Сердце сжалось у него в груди. Послезавтра наступает день оплаты векселя, и это последний срок. А у него нет даже половины нужной суммы.

2

Весна пришла в Неаполь 14 апреля 1931 года чуть позже двух часов утра.

Она опоздала, и, как обычно, ее принес порыв нового, южного ветра после ливня. Первыми ее заметили собаки во дворах деревенских домов Вомеро и в переулках возле порта. Они подняли морды, понюхали воздух, вздохнули и снова уснули.

Прибытие весны прошло без шума. Она вошла в город в те два часа, когда он отдыхал, между поздней ночью и ранним утром. Не было ни праздников в ее честь, ни плача по зиме. Весна не претендовала на радушный прием, не требовала аплодисментов. Она овладела улицами и площадями, терпеливо остановилась перед закрытыми дверями и окнами и стала ждать.

Ритучча не спала, а притворялась, что спит. Иногда это срабатывало. Бывало, он останавливался, смотрел на нее и возвращался на чердак. Тогда она слышала скрип старой кровати, в которой он ворочался, а потом его храп – ужасный скрежещущий звук.

Этот звук казался ей прекрасным, потому что избавлял от ужаса. Иногда. Иногда ей было позволено спать.

Но в эту ночь весна постучала в окно и заставила бурлить

кровь, прокисшую от дешевого вина из кабачка, стоявшего в глубине переулка. Притворный сон не помог Ритучке. Она почувствовала на себе руки отца. Как всегда в такие минуты, она подумала о маме. И прокляла маму за то, что та умерла.

Кармела застонала во сне из-за артрита: у нее в костях словно раскачивался и толкался кусок раскаленного железа. Ей не было холодно: ее укрывало тяжелое одеяло, и стены не пропускали сырости. Если бы старая Кармела бодрствовала, а не спала без сновидений, она бы с гордостью посмотрела на обои с цветочным рисунком, которые недавно велела наклеить. Если бы она не спала, она бы подумала, что, наклеив на стены так много цветов, она вместе с ними купила себе весну, и теперь, когда снова наступило теплое время года, цветы на балконе и в доме начнут соперничать между собой.

Но Кармела не получит эту весну. Правда, цветы у нее будут, да только она их не увидит.

Эмма осторожно повернулась на бок, стараясь не разбудить мужа, который спал слева от нее. Она по собственному опыту знала, что, когда движение мягкого шерстяного матраса заставляет ее супруга проснуться раньше положенного срока, у него обостряются все его тысячи болезней старого эгоиста. Через шелковые занавески в комнату просачивался свет уличных фонарей, и в этом полумраке Эмма надолго остановила взгляд на профиле мужа. Любила она когда-ни-

будь этого мужчину? Если да, то уже не помнила об этом.

Она улыбнулась в темноте, и ее глаза вспыхнули огнем, как у кошки. Больше ни одной ночи, ни одной весны она не проведет без любви! Муж спал с открытым ртом. На волосы у него была надета сетка, ночная сорочка была застегнута до самого воротника. «Боже мой, как я его ненавижу», – подумала Эмма.

Из-за забранной деревянными планками двери нижнего этажа Гаэтано слышал мышей в переулке. Днем они прятались в трубах новых водостоков – все, кроме толстых и больших, которых дети ловили и убивали. Но по ночам они бегали, и он слышал это уже целую неделю. Наверное, скоро станет тепло. Мама наконец уснула. Только час назад он перестал слышать, как она всхлипывает рядом с ним. Потом накопленная за день усталость наконец победила. Теперь у мамы есть два, а может быть, три часа покоя перед тем, как все начнется снова. Сам Гаэтано не спал: он думал о своем решении.

Он вынужден так поступить. Они не могут так жить дальше.

Гаэтано закрыл глаза и стал ждать рассвета, как ждал его каждую ночь.

Аттилио никак не мог заснуть. В этот вечер он был великим, но, как обычно, никто этого не заметил. Он курил в

темноте и был зол из-за обманутых надежд. От этой злобы, спутницы многих его ночей, у него загорелось в желудке, как от острой приправы.

Он огляделся. Ничего не видно. Да и что тут видеть, разве одно убожество, подумал он.

И все-таки он чувствовал, что станет богатым и знаменитым. Его будут почитать и обожать. Он будет таким, как тот спесивый мерзавец, который больше не имеет с ним ничего общего.

«Начнем с денег. Деньги приносят все остальное, – так говорила ему мама с самого детства. – Деньги – прежде всего».

Еще одна неделя, а потом – прощайте, печальные комнаты в убогих пансионах.

Филомена спала глубоким тревожным сном. Ей снилось, что она стоит перед своей дверью и видит, как из двери выходит она сама, закутанная, как всегда, в длинную черную шаль, под которой она прятала лицо.

На двери огромными красными буквами было написано: «ШЛЮХА». Просто и без всякого сомнения, словно это ее фамилия. Спящая Филомена увидела, как Филомена из сна со стыдом опустила голову. Без вины виноватая. Ни мужчин, ни любовных историй, ни взглядов или улыбок – и все-таки шлюха. Во сне ее охватили тоска и страх, что ее сын увидит эту надпись, когда вернется домой. Мокрыми от слез руками она попыталась стереть буквы, но чем сильнее она старалась,

тем больше они становились. Ее ладони стали красными – покраснели от древней вины: она виновна в том, что красива.

Энрика спала в первой ночи нового времени года. На ночном столике были очки, книга и наполненный до половины стакан с водой. Домашний халат был аккуратно сложен на маленьком кресле, под пальцами с вышивкой.

В черной тьме своего сна она почувствовала прикосновение незнакомого человека, ощутила чужой запах и увидела два упорно глядящих на нее глаза. Зеленые глаза. Во сне молодая женщина почувствовала приход весны, и весна взволновала ее кровь.

Всего в нескольких метрах от Энрики, но так далеко от нее, словно был на Луне, засыпал мужчина из ее сна. Перед этим он поужинал, а затем немного послушал радио, глядя из окна на то, как она вышивает. Входя в жизнь другого человека так, словно это была его собственная жизнь. Касаясь предметов чужими руками, смеясь чужим ртом, домысливая шумы и голоса, которые не мог слышать через стекло.

А потом он уснул, и во сне – другое волнение, другое беспокойство в теле. Оно было похоже на болезнь, но это была весна. Томление в крови искало себе выход. И наконец во мраке возникли образы его страхов – воспоминание о последних минутах неведения.

Во сне он снова был мальчиком. Стояло лето, и жара об-

жигала его кожу. Он бежал, нагнув голову, по винограднику, который примыкал ко двору его отца; как всегда, он играл один.

Мальчик чувствовал запахи своего пота и винограда. А потом запахло кровью. Кровью человека, который сидел в тени на земле, вытянув ноги, опираясь руками о землю и опустив голову на плечо. Из груди сидящего торчала рукоятка ножа, словно обрубок, оставшийся после удаления третьей руки. Спящий мужчина беззвучно ахнул от простодушного изумления.

Как тогда, труп поднял голову и, как тогда, заговорил с ним. Но тяжелей всего было то, что ему, как и тогда, казалось естественным, что труп с ним говорит. Во сне он снова повернулся и побежал прочь. У спящего мужчины, которым стал мальчик, вырвался стон. Он не сумеет спастись: сто мертвецов, тысяча мертвецов будут говорить с ним незнакомыми ему губами, столько же лиц будут смотреть на него пустыми глазницами и протягивать к нему переломанные пальцы.

Весна ждала за окном.

3

Ранним утром ему было приятно прогуляться по городу: в это время на улицах мало людей и мало шума, если не считать далекие крики первых уличных торговцев. Он ни с кем не встретится взглядом. Не нужно идти с опущенной головой, чтобы люди не видели его лицо и глаза.

Ричарди знал, что у него тонкий нюх. Это было очень неприятно, и он дорого бы дал, чтобы избавиться от своей чувствительности к запахам: среди них гораздо больше плохих, чем приятных. Но в такое утро, как это, он ощущал под гнилыми испарениями грязных кварталов запах зелени, долетавший с холма, который поднимался над морем. Этот аромат напомнил ему запахи Чиленто – местности, где он родился и где был счастлив в последний раз, не зная, что счастлив. Фортино – первозданная роскошная природа, которая принимала людей как мать.

Комиссар полиции знал, навстречу чему идет. Он чувствовал утонченное удовольствие, но был озабочен. Весна, думал он, шагая в сторону улицы Данте, изменяет души людей так же, как кроны деревьев. Строгие мрачные растения, сильные и крепкие, долго ждавшие своего часа, в это время года словно сходят с ума и выпускают из себя яркие пестрые цветы. Так же и у самых уравновешенных людей возникают в уме странные мысли.

Хотя комиссару Ричарди было лишь тридцать с небольшим лет, он видел и продолжал видеть каждый день примеры того, на что способен любой человек, даже тот, кто выглядит совершенно безобидным, не склонным делать зло. Он видел и продолжал видеть намного больше, чем хотел бы, и намного больше, чем мог бы попросить: он видел боль.

Боль заливает и подавляет тебя. Боль повторяется снова и снова. Он чувствовал мысли, сопровождавшие смерть; в них были ярость, горечь, а иногда даже надменная ирония. Он узнал, что естественная смерть – это полный расчет с жизнью. Она не оставляла в будущих днях висящие в пространстве следы. Она перерезала все нити, зашивала раны и лишь потом отправлялась в путь со своей ношей, вытирая костлявые руки о свою черную одежду.

Насильственная смерть была не такой. Она не имела на это времени: она спешила и должна была уйти как можно скорей. И в этих случаях разворачивалось представление: перед глазами его души возникала картина величайшей боли. Эта боль сбивала с ног и опрокидывала на спину его, единственного зрителя в этом омерзительном театре человеческого зла. Он называл это «второе зрение». Мысль, что смерть, внезапно покидая этот мир, не имела времени свести счеты, врывалась в его сознание и заставляла его душу требовать мести. Тот, кто уходил из жизни так, уходил из нее, глядя назад. И оставлял после себя сообщение, которое Ричарди принимал, слушая упорно повторяемые слова, ко-

торые выражали последнюю мысль умершего.

* * *

На площади Карита открывались первые балконы. Идя к полицейскому управлению, Ричарди почувствовал, как всегда чувствовал утром, что у него не было выбора, что он мог заниматься только своей нынешней профессией и никакой другой. У него не хватило бы сил отвернуться от боли и не замечать ее или тратить свои деньги на поездки по миру. От себя убежать невозможно. Комиссар знал, что его родственники, которые живут далеко, не могут понять, почему он, единственный сын покойного барона ди Маломонте, не живет как положено барону ди Маломонте, то есть не извлекает выгоду из общественных связей, которые ему обеспечивало его имя. Он также знал, что его семидесятилетняя няня Роза, которая была рядом с ним с его младенческих лет, хотела бы для него немного покоя. Никто не знал, чем объяснить его молчание, всегда опущенные глаза и постоянно мрачный вид.

Но ему не дано выбирать, и сейчас Ричарди снова понял это. Он должен идти против ветра и терпеть сбивающие с ног удары последней временной боли мертвецов, которых встречает на своем пути. Идти, чтобы делать работу, которую у смерти не хватило времени довести до конца.

Или хотя бы пытаться ее делать.

Ричарди вошел в особняк, где находилось полицейское управление. В воздухе были разлиты тишина и покой раннего утра. Полусонный полицейский в будке у входа попытался встать и отдать ему честь, но смог только уронить стул. Сухой звук удара дерева об пол эхом отдался во дворе. Охранник рассердился, сложил пальцы в жест против глаза и направил их в спину комиссару, который, проходя мимо, даже не кивнул ему.

Сотрудники управления – и полицейские, и служащие – не слишком любили Ричарди.

И причина была не в том, что он плохо вел себя или был слишком суровым. Наоборот, если кто-то в управлении защищал перед начальством тех, кто совершал ошибку или небрежность, то именно Ричарди. Скорее дело было в непонимании. Его склонность к одиночеству и молчанию, то, что он выглядел человеком без слабостей, полное отсутствие сведений о его личной жизни – все это не побуждало к товарищеским отношениям и солидарности. А в его необыкновенной способности раскрывать преступления было что-то сверхъестественное, а в этом городе больше всего боялись сверхъестественных сил. Поэтому возникло, а потом окрепло суеверие, что, если работаешь с Ричарди, с тобой случится что-то плохое. Нередко назначение вести расследование вместе с ним мгновенно вызывало дипломатическую болезнь или, что еще хуже, заставляло связываться с его присут-

ствием рядом неприятные события, к которым Ричарди не имел никакого отношения.

Получался порочный круг: чем больше Ричарди создавал вокруг себя пустоту, тем больше люди были рады держаться от него подальше. Комиссар, кажется, не замечал этого и тем более от этого не страдал.

Его отношения с руководством – заместителем начальника управления и самим начальником – были такими же. В эти времена трудно было обойтись без очень способного сотрудника. Римские власти все чаще вмешивались в дела управления, хотя оно считалось автономным; значит, нужны были отчеты о хороших результатах расследований с именами подозреваемых, которых можно было отдать на растерзание прессе. Власти требовали создать положительную, полную уверенности и оптимизма картину жизни больших городов при фашистском режиме. Ричарди, который, действуя не по правилам, с удивительной быстротой раскрывал преступления, идеально подходил для этой цели.

Но нельзя было отрицать, что находиться рядом с ним было неуютно. Он не был приятен начальству, поэтому оно не признавало его заслуги и даже не продвигало его по службе так, как следовало по результатам работы. Без него не могли обойтись, но его не награждали.

Правда, было похоже, что карьера его совершенно не интересует. Он всегда был поглощен своей работой, вел себя как жрец правосудия, а не как государственный служащий.

Он либо сидел в своем кабинете, либо шел по самым грязным кварталам под ливнем или в летний зной, задыхаясь от боли и лихорадочно ища ее источник.

Однако в окружавшей его стене недоверия была по меньшей мере одна трещина. На одного человека он мог полагаться.

Бригадир Рафаэле Майоне пил кофе на балконе, любуясь открывавшимся оттуда видом на город. По правде говоря, напиток в его чашке не был настоящим кофе; он даже не был уверен, что помнит вкус настоящего. И маленький подоконник с перилами, который владелец этого дома в районе Конкордия пристроил к окну без разрешения лет двадцать назад, нельзя было назвать балконом. И даже то, что он видел оттуда, – протянувшуюся до самого горизонта сеть темных улочек, где царствовали голод и убогая торговля, – можно было назвать видом на город, только имея богатое воображение.

Но у Майоне было богатое воображение. И оптимизм у него тоже был – Бог знает, что это так. И Бог знал, сколько оптимизма было нужно бригадиру, чтобы пережить некоторые минуты его жизни.

Темнота отступала перед первыми лучами рассвета. Майоне втянул ноздрями воздух точно так же, как за несколько часов до него это сделали собаки. Сегодня воздух пах иначе. Может быть, на этот раз эта бесконечная зима действительно закончилась. Еще одна весна – третья без Луки.

Иногда бригадиру чудился смех его убитого сына Луки – хороший смех, неудержимый и громкий, который всегда сообщал о приходе сына. Кто знает, может быть, именно этот смех и погубил Луку? Майоне никогда не узнает ответа на

этот вопрос.

Бригадир посмотрел на свою ладонь, потом на остальную руку. Эта смуглая толстая рука была крепкой и сильной, несмотря на его пятьдесят лет.

Лука был не таким. Сын унаследовал от своей матери светлые волосы и всегда смеялся, как она. Как она? С тех пор как погиб Лука, Майоне ни разу не слышал смеха своей Лючии. Конечно, жизнь продолжалась. Как она могла остановиться, если нужно растить еще пятерых детей? Но Лючия больше не смеялась – никогда. Зимними вечерами, когда дети спали и время словно останавливалось, Лука воскресал в памяти родителей. Он снова приходил домой веселый, подхватывал маму на руки и кружил по комнате, словно куклу. Или, только что поступив в полицию, гордый своей новой униформой, дразнил отца «старый пузан».

В это еще холодное утро весна донесла до бригадира запах крови его сына и воспоминание о том, как поступил тогда уполномоченный Ричарди. Этот странный молодой человек, с которым никто не хотел работать, заперся в винном погребе наедине с трупом Луки и оставался там пять очень долгих минут. А потом передал бригадиру, крепко сжимая его руку и не сводя с него глаз, последние слова любви его сына. Среди этих слов были нежные прозвища, которых Ричарди не мог знать. Даже теперь, через три года после этого дня, Майоне вздрогнул от любви и ужаса.

С того дня он стал чем-то вроде оруженосца у комиссара и

не позволял никому говорить о Ричарди плохо или насмешливо.

Майоне также следил за соблюдением особой процедуры, в соответствии с которой Ричарди вел свои расследования. Комиссар всегда проводил первый осмотр места происшествия один. В этих случаях Майоне держал всех на расстоянии, пока комиссар настраивал свое сознание на то, что произошло. Майоне был и доверенным комиссара: то небольшое, что Ричарди был готов рассказать о себе другим, он открывал лишь ему. Они разговаривали о том расследовании, которое вели, и даже не понижали голоса, но сквозь эти разговоры была видна душа самого Ричарди, и Майоне с помощью своего простого опыта угадывал за словами черты его характера. Каждый раз комиссар работал так, словно это было его личное дело – его боль, его позор, за который надо отомстить, несправедливость, которую надо сейчас же исправить. Не как у других, которые расследовали ради денег, карьеры или власти. Майоне знал много таких. Ричарди не такой, как другие.

В это утро Майоне подумал, что Ричарди ненамного старше его Луки – может быть, лет на десять или чуть больше, а кажется столетним стариком и одинок, словно осужденный.

Майоне полузакрыв глаза, провел ладонью по щеке, которая уже была шершавой, хотя он побрился всего час назад. И вдруг ему пришло на ум, что именно то, на что комиссар осужден, помогло ему передать последние слова сына. Он

снова вздрогнул и вернулся в дом. Пора было идти на работу.

«Он ненавидит этот квартал, но не может обойтись без него», – думала Эмма о муже, которого ждала домой. Он много раз пытался уехать отсюда, но не мог обойтись без этих мест. Он ненавидит толпу вопящих мальчишек. Ненавидит узкую крутую лестницу, по которой надо подниматься на самый верхний этаж. Ненавидит оборванцев, которые попадают ему навстречу, – жалких жильцов и посетителей этого особняка, уступающих ему дорогу, когда он идет по лестнице.

Она понимала мужа: ей тоже было стыдно. Эмма никогда не бывала в публичном доме, но думала, что их особняк похож на эти дома, где позволить себя узнать – значит разрушить репутацию честнейшего человека, которую создавал с таким трудом.

И еще эти запахи чеснока и прокисшей еды. И постоянный привкус мочи в воздухе. Мочой пахнет на улице, в подворотне особняка, в их квартире. Иногда Эмма приносила домой цветы, но муж принимал их с подозрительностью, за которой легко было угадать просьбу избавить его от таких подарков. А она лишь хотела опустить нос в букет и подышать цветочным ароматом, чтобы избавиться от запаха мочи. Конечно, эта женщина старая, а старые люди не в состоянии контролировать себя. Ей повезло: она молодая и наме-

рена оставаться молодой как можно дольше. И красивая. И богатая. И желанная. А теперь, когда она встретила настоящую любовь, жизнь стала еще прекрасней, и будущее должно стать чудесным. «Уже несколько лет все говорят, что наш народ ожидает светлое будущее», – подумала она. Раз так, почему ее будущему не стать светлым? Сколько еще она должна отдать, чтобы заплатить за ошибку, совершенную другими?

Ей нужно было последнее напутствие, последний разрешающий знак судьбы. Она была уверена в своих чувствах, но не могла позволить себе ошибиться опять. Новой ошибки не будет.

В квартире было жарко. Она вышла на улицу в тяжелом пальто с пышным меховым воротником и в модной шапке с наушниками, похожей на шлем летчика, и отказалась от услуг таксиста. Она не сядет к нему в автомобиль: в прошлый раз она прочла в его взгляде жалость и недовольство тем, что ему пришлось долго ждать ее среди нескольких десятков уличных мальчишек, которые пытались залезть на его большую внушительного вида машину, как на железную гору.

Эмма расстегнула пальто. Ей хотелось закурить, но это не нравилось старухе. Сколько еще ей ждать, прежде чем она начнет жить?

Ричарди стоял у окна в своем кабинете и смотрел на площадь Муниципалитета. Улица еще была мокрой от ночного

ливня, но теперь небо было голубым и свободным от облаков. Легкий ветерок доносил сюда запах моря.

Деревья в садах на площади были хорошо подстрижены: кронам придали такую форму, что они укрывали скамейки из кованого железа. К четырем зеленым киоскам стали подходить покупатели за газетами и напитками.

Несколько тележек, четыре автомобиля, один фургон. Вдали, за площадью, видны три трубы английского корабля, который несколько дней назад остановился в порту. И надо всем возвышалась громада Анжуйского замка.

Живых мало. Мертвых – ни одного. Ричарди позволил себе короткую передышку. Он сделал глубокий вдох, задержал воздух в груди и медленно выдохнул. Потом он повернулся спиной к городу. Перед ним опять была его комната – «келья Ричарди», как называли его кабинет сотрудники управления.

Женщина снова присутствовала при этом обряде. Как обычно, ее сердце замирало, и кровь стучала в ушах. Уже миллион раз она говорила себе, что все это глупости, но в миллион первый раз снова испытывала эти прекрасные и ужасные чувства. Судьба. Она смотрела на то, как судьба принимает форму.

Старухе в этом не было равных. Сначала женщина смеялась, когда скучающие подруги рассказывали ей, как в отсутствие любви заполняют свои дни, идя по следу мечты о

более ярком завтрашнем дне. Случалось также, что она ходила вместе с какой-нибудь из них к предсказателям и обнаруживала там смешные заклинания, театральных колдуний с помощниками, которые изображали призраков и говорили мрачными потусторонними голосами. Только роль потустороннего мира играл чулан с деревянными стенами, и порой полуоткрытая занавеска плохо скрывала его.

А потом она познакомилась с Аттилио – после театрального спектакля, на который, как обычно, ходила одна. И в тот же колдовской вечер случайно встретилась со старухой.

Та подошла к ней, с трудом волоча ноги. Женщина приняла старуху за нищенку и попыталась пройти мимо, делая вид, что не замечает ее. Но старуха схватила ее за руку, пристально посмотрела на нее в темноте, и сбитая с толку женщина остановилась. Потом старуха без всяких предисловий сказала скрипучим голосом, который женщина после этого столько раз жадно слушала, что та несчастна, потому что у нее пустое сердце.

Это выражение: «пустое сердце»! Откуда старуха могла знать, что именно так она называла себя мысленно: женщина с пустым сердцем? Тут стремительно вмешался Аттилио. Он был такой сильный, и красивый. Он появился внезапно в портике театра и вышел оттуда под дождь. Он оттолкнул от нее старуху – не добродушно, а сердито, даже с преувеличенным возмущением. Но та перед тем, как отпустить женщину, шепнула ей свой адрес. На следующий день женщина пошла

по этому адресу и с тех пор ходила туда уже раз сто, чтобы узнать, по каким улицам ей лучше ходить. Чтобы разрешать сомнения. Чтобы выбирать дорогу на перекрестках жизненных путей: оказавшись перед выбором, она всегда чувствовала себя неуверенно. Старуха стала ей необходима даже для того, чтобы дышать. Она давала старухе небольшие деньги, которые та просила, и дала бы ей в два, в три, в сто раз больше. За то, что дает тебе силы жить, надо платить.

Сейчас речь тоже шла о жизни. Женщина ждала окончательного ответа и в глубине души уже знала этот ответ. На этот раз она может почувствовать себя живой – возможно, впервые в жизни. На этот раз она сможет выбрать любовь. Она подумала о его ладонях и инстинктивно сжала ноги. Чулки тихо зашуршали, и женщине стало стыдно: она была уверена, что старуха без труда читает ее мысли. Но старуха продолжала неподвижно сидеть за своим столиком. Она выглядела усталой и больной: конечно, у нее болели кости. На женщину откуда-то пахнуло чесноком и мочой, и она медленно закрыла глаза. Искривленные болезнью пальцы старухи потянулись к жирным картам. Женщина задержала дыхание.

В квартире не было ни занавесок, ни свечей. Ничего зрелищного, кроме скромных цветов на обоях. Эти цветы на стенах были одними из первых, которые женщина заметила и которые ее удивили, когда она пришла сюда в первый раз, часто дыша из-за подъема по крутой лестнице и запаха затхлости в воздухе. Насколько она могла разглядеть, дом был простой: комната, откуда была видна маленькая кухня, закрытая дверь.

Со своей обычной удивительной быстротой старуха тасовала искривленными пальцами колоду, что-то шепча при этом. Эмма никогда не понимала, что та говорит, и не хотела этого знать. Прочитав свои загадочные слова, старуха три раза плюнула на карты. Эмма хорошо помнила отвращение, которое почувствовала, увидев в первый раз, как гадалка это делает. Ей захотелось встать и убежать отсюда, но в движениях гадалки было столько силы, что Эмма не смогла этого сделать. Капли слюны исчезли быстро: их стерли ловкие руки гадалки и сами карты, которые скользили одна по другой. Изящным движением, похожим на жест крупье, гадалка подала ей колоду, чтобы та сняла верхние карты. Эмма вздохнула, на ее ладонях выступил пот. Гадалка взяла половину карт и положила на испачканную скатерть. Остальные карты она разделила на восемь стопок и разложила их в форме кре-

ста. Потом пристально взглянула Эмме в глаза. Как всегда, Эмма одну долгую минуту словно погружалась в море нефти, а потом указала старухе на центральную стопку креста. Та молча кивнула в знак согласия. С той минуты, как Эмма вошла к ней, старуха не сказала ни слова.

И вдруг – от этого внезапного движения Эмма каждый раз едва не подскакивала на месте – гадалка ударила кулаком по указанной стопке и хрипло, как каркает ворона, выкрикнула:

– Мальчик, дай мне голос!

С балкона вспорхнули два испуганных голубя. Дети внизу на улице, до которой было три этажа, на секунду перестали кричать. Время остановилось. Женщина снова присутствовала при волшебстве, в которое верила слепо, всем сердцем. Теперь глаза старухи были закрыты. Гадалка дышала тяжело и плотно стиснула губы. Голову с пучком седых волос она втянула в плечи, руки сжала в кулаки и положила на стол. Через мгновение она расслабилась, глубоко вздохнула и взяла первую карту из выбранной стопки.

Король денег.

Филомена Руссо вышла на улицу и туже запахла платок на шее: было холодно. В этом году зима казалась ей вечной. Ледяной ветер продувал ее насквозь, пока она запирала на ключ деревянную дверь.

Она увидела написанное мелом слово «шлюха». Проклятые! – подумала Филомена.

Инжирный переулок был тупиком и шел в глубину Испанских кварталов от середины подъема на один из склонов, занятых этими кварталами. У входа в переулок стояла часовня Вознесения Богородицы; несколько цветков говорили о надежде на милость, которая так и не была оказана. За часовней располагалась маленькая площадь, которую не было видно с улицы: пять нижних этажей, за окнами которых кипела жизнь, и над ними высокие темные окна полупустых старинных особняков. Солнечный свет проникал сюда лишь несколько часов в день, а все остальное время здесь царили полумрак и сырость.

Это маленькая страна внутри города, и она здесь иностранка.

Она держала голову опущенной и подняла воротник так, что он закрывал половину лица. Вторая половина была прикрыта платком. Старое мужское пальто, потерявшее форму от долгой носки. Башмаки на картонной подошве. Филомене приходилось старательно обходить лужи, иначе ее ноги были бы мокрыми целый день. А ноги должны были держать ее весь долгий утомительный день в магазине тканей на улице Толедо. Она быстро шла вдоль стены, глядя себе под ноги, и спиной чувствовала враждебные взгляды, следившие за ней из окон. Чувствовала ненависть.

К счастью, вечером она вернулась домой раньше сына и смогла стереть надпись. Это был мел или известь, достаточно было смыть водой. Был случай, когда какой-то мерзавец

вырезал это слово ножом, и ей пришлось царапать целый час. Гаэтано спросил: «В чем дело?» – «Ни в чем, – ответила она. – Ничего не случилось. Тут не о чем и думать».

Она иронически улыбнулась под своим воротником. Это она – шлюха? Она, которую уже два года не ласкала мужская рука? Она, которая прячется от посторонних глаз. Она, у которой был только один мужчина и другого не будет никогда, потому что ее Дженнаро умер, а других рук на своем теле она бы не потерпела.

У перекрестка стоял, как бывало каждое утро, дон Луиджи Костанцо. Филомене хотелось обходить его стороной. Но когда однажды она пошла по другой улице, вечером он пришел и постучался в ее дверь. Он схватил ее за руку так, что ей стало больно, и прошипел прямо в ее испуганное лицо, чтобы она больше никогда так не делала. «Или я приду к тебе сюда, где ты живешь». Гаэтано смотрел на это из темноты, и в глазах у него был крик, но он не издал ни звука. Филомена успокоила сына взглядом: не бойся, сынок, не беспокойся, мой дорогой: больше этот негодяй сюда не придет. Он был молод, этот дон Луиджи, но говорили, что уже убил двоих человек: бандита, перед которым открывалась большая карьера в преступном мире, и будущего главу квартала. Он женат, и жена родила ему двоих детей за два года. «Тогда чего же он хочет от меня?» – думала Филомена.

«Я потерял из-за тебя голову. Я должен получить тебя». – «Как ты мог потерять голову из-за меня: я даже ни разу на

тебя не смотрела? Если я живу как рабыня и тружусь с утра до вечера, чтобы прокормить сына, дать ему возможность научиться какой-нибудь профессии, жить, иметь будущее?»

Она прогнала дона Луиджи – пригрозила, что станет кричать, что осрамит его, что расскажет обо всем его молодой жене или, что было бы еще хуже, его тестю, настоящему главе квартала. Он ушел, но перед этим улыбнулся ее мальчику дьявольской улыбкой и сказал: «Какой красивый ребенок. Тело у него нежное, в такое легко входит нож». Филомена потом плакала всю ночь.

Старуха перевернула вторую карту стопки. Семерка пик. Ее ладонь, искривленная, как ветка столетнего дуба, вздрогнула, брови слились в одну линию. Эмма не смела ни вздохнуть, ни моргнуть глазом. Чеснок, моча. Крики детей на улице. И определение формы судьбы.

Филомена ускорила шаг, насколько ей позволяли рваные башмаки и мокрые камни, и попыталась ускользнуть от мужчины. Но он быстро шагнул вбок и оказался перед ней. Она остановилась, опустив голову, пряча лицо за воротником. Он забавно чмокнул губами, изображая долгий поцелуй. Филомена продолжала стоять неподвижно и ждать. Он вынул руку из кармана и протянул к Филомене, та отступила на шаг. Потом он сказал:

– Филеме, это лишь вопрос времени.

«Времени», – мысленно повторила она. Он засмеялся и спросил:

– Почему ты так кутаешься? Кажется, что ты чего-то стыдишься.

– Стыжусь? – Филомена оттолкнула его и быстро пошла к улице Толедо. «Я стыжусь», – думала она.

Филомена Руссо стыдилась огромного своего недостатка, проклятия, на которое была осуждена, – своей красоты. Она была самой красивой женщиной в Неаполе.

* * *

Старуха перевернула третью карту: туз червей. Она по-прежнему плотно сжимала губы. Муха ударилась об оконное стекло, и этот звук показался оглушительным, словно взрыв. Эмма почувствовала, что держит руку на шее. Эта рука внезапно задрожала. Ступни Эммы были холодны как лед. Еще одна карта, четвертая. Пятерка пик. Лицо старухи не изменило своего выражения, но ее рука дрогнула.

Постепенно Эмма узнала, какая карта неаполитанской колоды символизирует ее любимого – рыцарь крестей. Эта карта всегда выпадала, с самого начала, раз за разом, вместе с картами, которые означали бегство, перемену жизни. Почему рыцаря нет сейчас, именно сейчас, когда она решилась?

Старуха перевернула последнюю карту колоды. Последняя возможность. Нет, не валет и не король. Это дама денег.

Эмма в ужасе и смятении увидела, что из глаза старухи каплет слеза.

Филомена ждала, пока первый покупатель войдет в магазин тканей, где она работала. Она стояла на углу улицы, закутавшись в пальто, туго натянув платок на голову, и не замечала ветра. Она бы охотно почувствовала на своей коже тепло большой печи, которую топили в торговом зале. Эту печь, конечно, уже разожгли. Но она еще не могла войти. Филомена знала, что синьор де Роза, владелец магазина, очень заботился, чтобы в его заведении, когда оно открывалось утром, было уютно. Он был убежден, что в этом случае замерзшие клиенты охотней зайдут к нему посмотреть товар, а значит, и купят что-нибудь.

Но она помнила, что синьор де Роза, уже дед в свои пятьдесят лет, угрожал ей: «Филоме, я тебя выгоню. Если ты сейчас же не пойдешь со мной, я тебя уволю. А если будешь моей, я сделаю тебя богатой, у тебя будут дорогие украшения. Ты меня околдовала, Филоме. Ты свела меня с ума и должна вылечить».

Говорить с его женой было бесполезно: что значило слово Филомены против слова уважаемого человека, которого уважали за серьезность и за любовь к семье. В лучшем для Филомены случае ее уволят, а она не могла потерять работу, пока Гаэтано еще был учеником. Тогда ей пришлось бы послать его на черную работу, при которой он го-

лодал бы всю жизнь. А Гаэтано был для нее важней всего. Стоя прямо на перекрестке улицы, пряча свою красоту под старым пальто, Филомена Руссо ждала и беззвучно плакала.

Ричарди покинул свой кабинет в восемь часов вечера. За весь день прервался он всего раз. Примерно в час дня спустился на улицу и съел пиццу, купленную у уличного торговца: его привлек столб дыма, поднимавшийся от кастрюли с маслом и служивший этому человеку вместо вывески. Няня Роза не одобрила бы его выбор, а потом ворчала бы много часов подряд, что он не заботится о своем здоровье. И еще добавила бы: «Можете выстрелить себе в голову – получится то же самое». Лучше сказать ей, что он не ел днем.

Это был плохой день. Ричарди провел его, заполняя формуляры, которые потом будут без конца путешествовать с одного стола на другой. Часто Ричарди слышал, что какой-нибудь бедняга чиновник не мог даже понять штампованные фразы, которыми он пользовался, пытаясь логически описать зло, которое встречал. Как будто извращения, чувства, заставляющие людей проливать кровь, ярость и ненависть можно выразить словами.

Не то чтобы он скучал по преступлениям. Скорее ему не хватало действия, воздуха и движения. Ему всегда бывало не по себе, когда приходилось сидеть взаперти в четырех стенах, хотя он отлично знал, что его ждет снаружи. Вероятно, это память о колледже, в котором он провел подростковые годы. Как тогда, люди избегали его, словно чувствовали на

его коже запах неестественной боли, которая жила внутри его. Среди жестоких мальчиков, готовых карать за любое, даже малейшее отличие от других, он шел по жизни одиноко и спокойно. Ричарди не помнил, чтобы сильно страдал от этого положения вещей. В конечном счете так ему было лучше. Имея второе зрение, что ты станешь рассказывать другу? То, что тебе говорят мертвецы?

В коридоре было темно: почти все разошлись по домам. Так происходило каждый день: он приходил первым и уходил последним.

Он знал, что увидит, и действительно увидел это. На второй ступени широкой безлюдной лестницы стояли бок о бок двое, и один держал другого под руку. Словно два старых друга. Полицейский и вор, как в детской игре.

Редкий случай второго зрения: эти двое умерли два года назад, а Ричарди еще видел их образы, слабо светившиеся в темноте. Возможно, смерть была слишком неожиданной, а возможно, причина заключалась в том, что их было двое. Ричарди хорошо помнил этот случай, который стал целой эпохой в истории управления. Мелкий преступник, ранее судимый, был арестован за драку. Он вырвал пистолет у одного из двух полицейских, которые вели его в тюрьму, и выстрелил себе в висок. По роковой случайности пуля пробила его голову насквозь и попала в полицейского, который стоял слева.

Проходя мимо этой пары, Ричарди в очередной из множе-

ства раз услышал то, что они повторяли без остановки. Ранее судимый говорил: «Не вернусь, я туда не вернусь», а полицейский: «Мария, Мария, какая боль». Он имел в виду не Богородицу Марию, а свою жену.

Правая сторона головы преступника – та, которую пробила пуля, была исковеркана – большая дыра, кожа на всем лице обожжена, пустая глазница, в которой больше нет взорвавшегося глаза, брызги мозгового вещества на плече и груди. Слева только маленькая рана, из которой вылетела пуля. Она застряла в голове полицейского: его правый глаз был красным, словно в него угодила мошка. На самом деле глаз покраснел от крови, залившей мозг. Ричарди опустил взгляд и стал смотреть на ступеньки, но и не глядя на этих двоих, продолжал их видеть. «Мария, какая боль», – еле слышно прошептал он вместе с мертвым полицейским, словно конец знакомой шутки, и быстро вышел на улицу из полуоткрытых ворот главного входа, не ответив на враждебный взгляд охранника, который отдал ему честь. Ему было душно в здании.

Даже в этот поздний вечерний час, когда магазины и кафе уже закрылись, улица Толедо была полна людей. Уже шестьдесят лет она называлась Римской улицей, но для горожан ее название никогда не менялось: она была улицей Толедо, когда испанцы ее построили, и оставалась улицей Толедо сегодня, когда Ричарди шел по ней, прокладывая себе путь среди нищих, которые просили хлеба, денег, внимания. Какое

бы имя ей ни давали, эта улица называлась «граница». Она была пограничной полосой, разделявшей два народа, которые отличались один от другого, как день от ночи, и постоянно, безмолвно воевали один с другим. Каждый из тех людей, которые пытались схватить Ричарди за полу плаща, считал собственное несчастье единственным в своем роде. На самом же деле все бесконечное разнообразие страстей можно было свести к двум основным потребностям – обеспечить себе бессмертие, произведя на свет потомство, и избавить от голода себя и свою семью. Могущество и злоупотребление властью, честь и гордость, удобства и зависть – все это дети голода и любви.

Энрика ужинала, а ее отец и зять в это время спорили. Она привыкла к этим долгим разговорам о политике, которые сопровождали ужин. И она, старшая дочь в семье, и ее мама, и братья уже понимали, что избежать этих споров невозможно, нельзя даже вмешаться в них или сменить тему. Лучше есть и позволить этим двоим продолжить спор после ужина рядом с радио. Она нетерпеливо ждала этой минуты весь день, а может быть, и ночью, и была полна желания, как в своих снах. Она научилась очень умело притворяться, будто следит за спором отца и зятя, а на самом деле думать о своем. Энрика не могла дождаться часа, когда ужин закончится и все уйдут в столовую, а ее оставят одну убирать со стола. Она привыкла убираться в кухне, и ей нравилась эта привычка.

В ее характере сочетались упрямство и готовность к улыбке, сосредоточенность на себе и чувствительность к внешнему миру, и потому она всегда и все делала по порядку и точно. Энрика любила чистоту и четкое распределение обязанностей. Кухня была ее маленьким царством. Она не нуждалась в помощи и не хотела, чтобы рядом с ней кто-то был.

А кроме того, у нее было назначено свидание.

8

Ричарди ел, а няня Роза смотрела, как он ест.

Так было каждый вечер. Ему бы хотелось, чтобы няня была уже в постели, ей ведь уже семьдесят лет, а она с рассвета на ногах. Но она не отступала от своего правила – не уходить спать, пока не увидит его тарелку пустой. Он бы охотно обходился без сытных блюд. Она сожалела, что не смогла приготовить ему что-нибудь другое. Он хотел бы дать отдых своей голове. Она целый день накапливала в душе заряд жалоб и ждала возвращения Ричарди, чтобы выстрелить ими в него. Настоящая идиллия, думал Ричарди, пока, не чувствуя вкуса, в третий раз за шесть дней ел макароны с томатной подливкой.

– Ваша жизнь вас очень утомляет, просто изматывает. Посмотрите: вчера хоть подстриглись, а то иногда эта прядь лезет вам в глаза. И вы такой бледный, что похожи на привидение.

Тут Ричарди поморщился.

– Вы когда-нибудь смотрите на солнце? Сегодня, например, в воздухе приятно пахнет. Этот запах идет с Каподимонте: там красивый лес. А вы выходили хотя бы в скверик перед управлением? Нет? Так я и знала. И что остается делать несчастной старушке вроде меня? Умереть с грехом на совести и попасть в ад, зная, что мне не на кого вас оставить?

Вы не хотите найти себе симпатичную девушку и создать семью? Тогда отправьте меня в богадельню и дайте мне спокойно умереть.

Ричарди с серьезным видом кивал в ответ, иногда поднимая взгляд от тарелки, чтобы показать, что он сострадает своей несчастной няне, на долю которой выпала ужасная судьба – присматривать за ним. На самом же деле он не слышал ни одного ее слова. Однако он мог бы повторить эту жалобу слово в слово, потому что слышал ее множество раз. Ричарди, как обычно, думал о другом и терпел нянины упреки так, как терпят дождь: ждал, пока закончится, и старался намокнуть как можно меньше. Если бы он попытался на них отвечать, ему пришлось бы целый вечер убеждать няню, что ее жизнь такая, какую она хотела.

К тому же у него было назначено свидание.

Энрика убиралась на кухне. Вся остальная семья ушла в столовую. Этот ежедневный веселый переход избавлял ее царство от шума и беспорядка и позволял ей удовлетворенно оглядеться вокруг.

Она не была красавицей. Никто не удостоил бы ее второго взгляда, увидев, как она идет по улице Святой Терезы в церковь к обедне или чтобы купить зелень с тележки на углу. Она была высокого роста, смуглая и носила очки против близорукости в черепаховой оправе. Ей было двадцать четыре года, и она еще ни разу не была помолвлена. Она дей-

ствительно не была красива и не следила за модой. Но было особое, только ей присущее, изящество в ее улыбке, в ее медленных точных движениях и в том, как сосредоточенно и старательно она работает своей главной левой рукой (она была левша).

Она выучилась на преподавательницу и по утрам давала дома частные уроки и детям, чьи родные потеряли всякую надежду, что их отпрыски удержатся в школе. Не повышая голоса и не прибегая к наказаниям, Энрика умела приручить даже самых диких зверьков. Ее отец и мать были озабочены тем, что у нее нет жениха, но уже перестали устраивать ей встречи с сыновьями своих друзей. Она каждый раз вежливо и твердо отказывалась продолжать знакомство.

Ричарди вошел в свою комнату. У него на волосах была ночная сетка, а руки он держал в карманах халата. Старая масляная лампа, стоявшая на ночном столике, бросала желтый свет на малочисленную мебель – стул, маленький письменный стол, шкаф с двустворчатой дверью.

Он встал возле кровати, спиной к окну; его ладони в карманах похолодели и покрылись потом, дыхание стало частым, сердце билось так, что удары отдавались в висках.

Ричарди сделал глубокий вдох, повернулся и сделал два шага вперед.

Энрика краем глаза увидела свет лампы за стеклами окна на противоположной стороне узкого переулка. До него пять

метров, не больше: она множество раз подсчитывала это расстояние. И оно выше примерно на метр. Это расстояние казалось ей бесконечным. Ни на какое чувство она не променяла бы эту минуту ожидания – от той секунды, когда загорался свет, до той, когда в окне появлялся силуэт мужчины. Это было как открыть окно и ждать, чтобы легкий порыв ветра коснулся твоего лица, как подносить стакан с ко рту, когда тебе хочется пить. Эта фигура появляется на фоне света, и ее руки были то сложены на груди, то вытянуты вдоль тела, может быть, опущены в карманы. Ни жеста, ни зова, ни попытки установить с ней какие-то контакты, кроме этого появления у окна каждый вечер в двадцать один час тридцать минут. Ни за что на свете Энрика не пропустила бы это свидание. Со своим обычным спокойствием она мягкими движениями заканчивала уборку, потом садилась в кресло возле балкона кухни и клала на колени пяльцы с вышивкой или книгу, которую читала. Окутанная его взглядом, она улыбалась и ждала.

Ричарди наблюдал, как она вышивает. Глядя на нее, он говорил с ней, рассказывал ей о своих тревогах, и она помогала ему сбросить груз мыслей. Конечно, это было странно. Через стекла двух окон он следил за медленными жестами, в которые влюбился больше года назад. Ее движения, чтение, вышивка. Она. Он думал, что с тех пор, как родился, не видел в мире ничего красивей, чем она. Но он был не в силах

приблизиться к ней. Этот мужчина, спокойный при виде самых отвратительных преступлений, приходил в ужас, думая о встрече с Энрикой. Несколько месяцев назад он случайно столкнулся с ней лицом к лицу и самым некрасивым образом бежал прочь, оставив за собой след из брокколи. Она посмотрела на него, склонив голову набок, – как ему было знакомо это движение! Ее глаза сузились за стеклами очков. И бесстрашный комиссар Ричарди обратился в бегство.

«Если бы ты знала, любимая. Если бы только ты могла себе представить».

В пяти метрах от него девушка, умевшая ждать, стежок за стежком вышивала свой узор. На пальцах, кроме простыни из приданого, которое оптимистически шила в надежде на будущее, она видела два зеленых глаза, незнакомых и таких знакомых одновременно. Она думала о том, что, если двум дорогам суждено соединиться в одну, они рано или поздно соединятся, даже если до этой точки осталось еще много километров. И вспоминала, немного стыдясь, как два дня назад поддалась уговорам подруги и пошла с ней в это странное место, куда ей одной никогда не пришло бы на ум пойти. Она вспомнила свои вопросы и ответы, которые были ей даны так уверенно, словно прочитаны в книге, которую кто-то написал в далеком будущем.

Вышивая и улыбаясь, склонив голову набок, Энрика думала – а о чем, Ричарди никогда бы не угадал.

Она думала о рыцаре крестей.

9

«Сцена театра, пыль, свет. Это я хочу чувствовать, этим хочу дышать. В детстве я был бедняком, мерз и голодал, но уже тогда я знал, что мне будут аплодировать, что я буду их потрясать и трогать их души. Я всегда был красивым и всегда умел рассказывать, очаровывать людей словами. Мне нет в этом равных, так всегда говорила моя мать.

Мама, сколько сил я потратил на то, чтобы всегда сохранять бодрость духа и мужество для попыток. Я пел и танцевал на праздниках и свадьбах – перед невеждами, которые не ценили то, что видели. Я страстно люблю волшебство слов, волшебство жестов. Голос – это инструмент. Я знаю, что я красив. Я всегда был красивым. Моя мать была первой, кто сказал мне это, и потом я получил подтверждение, что она права.

Красота губила меня, ставила преграды на моем пути. Я нравился женщинам, а мужчины бесились от ревности. Жизнь – это театр, говорит мне мама. Она по-своему тоже разыгрывает спектакли. Сын, говорит мне она, ты даже не можешь себе представить, сколько раз я притворялась. Но каждый раз за хорошую игру себе аплодирую только я сама: когда остаюсь одна, я хлопаю себе в ладоши за деньги, которые оказываются в моем кармане. Делай как я – добывай деньги: они и есть аплодисменты.

Так говорит мама, но я думаю по-другому. По-моему, если ты хороший мастер, тебе должны аплодировать все. Ни одна спесивая скотина не может встать между тобой и успехом, которого ты заслуживаешь. Поэтому я когда-нибудь приобрету себе театральную труппу, а если будет нужно, то и целый театр.

А тогда увидим».

Кончета Иодиче стояла перед маленьким окном, которое выходило в переулок. Было уже поздно, Тонино еще больше часа назад должен был вернуться домой: пиццерия уже давно закрылась.

Он велел ей идти домой без него, сказал, что ему нужно сделать еще одно дело. Кончета никогда не ставила под сомнение приказы мужа, но этот приказ ее встревожил. Она была озабочена.

Чувства хозяина пиццерии легко было угадать именно из-за его веселого нрава. Если что-то шло не так, Кончета и ее старая свекровь Асунта мгновенно замечали это и обменивались многозначительными взглядами, как два сообщника. И вот уже несколько дней обе замечали, что Тонино чем-то расстроен. Обе женщины знали, что дела идут не так хорошо, как они надеялись, и что долг, взятый для открытия пиццерии, был большим. Вероятно, Тонино нервничал именно по этой причине. Он больше не пел во время бритья, поднимался по лестнице медленно, здоровался с ними небрежно,

думая о чем-то своем. А накануне дал пощечину старшему сыну за то, что тот громко позвал его. Такого еще никогда не случилось.

Асунта подошла к окну и встала рядом с Кончетой.

– Дети спят. Его не видно?

Кончета, не поворачиваясь к ней, помотала головой. Тревога с каждой минутой все сильнее сжимала ей грудь. Свекровь положила руку ей на плечо, и Кончета тихо пожала руку. Общая любовь, общий страх.

Когда Кончета увидела, что Тонино выходит из-за угла, у нее к горлу подступил ком. Ей стало легче, но лишь на мгновение. Ее муж был похож на старика: он волочил ноги и сутулился. Кончета подбежала к двери и открыла ее; позади нее стояла в тени и ломала себе руки Асунта. Медленные шаги на лестнице, в тишине и мраке старого особняка. Вот он проходит последний марш. Кончета попыталась поймать взгляд Тонино. Она и хотела, и в то же время боялась заглянуть в его глаза.

Тонино, бледный и потный, смотрел перед собой как в пустоту. Из-под берета выбивались прилипшие ко лбу пряди волос. Проходя мимо жены, он слабо сжал ей руку. Кончета почувствовала на своем запястье его горячую ладонь.

– Я плохо себя чувствую; может быть, немного поднялась температура. Пойду лягу в постель.

Кончета смотрела на пол – на то место, по которому только что прошел ее муж. Там остались следы, словно его баш-

маки в чем-то намокли.

На первый взгляд эти дети были такими же, как все другие. Такими же, как малыши из Испанских кварталов или с улиц возле порта. Они перебежали с места на место стайками, как порхают птицы, и были, как птицы, шумными и веселыми. Девочек невозможно было отличить от мальчиков: все они одинаково грязны и одеты в одинаковые лохмотья.

Они были не таким, как другие одинаковые дети, которые маршировали как солдаты по площади Плебисцита – маленькие моряки или баллилы¹.

У этих были бритые головы – волосы сбривали, чтобы не было вшей, – и босые ноги; кожа на подошвах огрубела и стала тверже, чем кожа обуви. Зимой эти подошвы были лиловыми от холода; обмороженные места в лучшем случае обматывали тряпками.

Гаэтано и Ритучча росли вместе. Их телам было еще далеко до подросткового возраста – ему было тринадцать лет, ей двенадцать. Но достаточно было взглянуть им в глаза, чтобы угадать их настоящий возраст. Они были стариками. Их состарило то, что они помнили, увидели раньше и видели те-

¹ *Баллилы* – члены молодежной организации, в которую режим Муссолини объединил итальянских школьников, что-то вроде немецкого гитлерюгенда. В 1746 году четырнадцатилетний мальчик из Генуи по прозвищу Баллила, что значит Пуля, бросив камень в австрийского офицера, положил начало народному восстанию итальянцев против австрийских захватчиков. В его честь и были названы молодежные отряды Муссолини. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

перь.

Они смутно помнили более счастливое время, когда у него еще был жив отец, а у нее мать. Тогда эти двое тоже были в стае птенцов, которые каждое утро все сразу вылетали под открытое небо и порхали по переулкам, считая их своим домом. Но это было давно. Тогда они без умолку болтали друг с другом, сидя на скамьях церкви Санта-Мария делле Грацие, и иногда выпрашивали при этом немного мелочи у старух, торопившихся на полуденную мессу. Теперь Гаэтано был учеником каменщика, и им редко удавалось поговорить. Но слова были не нужны: они умели понять, есть ли новости, по морщинке между его глаз, по уголкам ее рта. Так же, как долго прожившие вместе пожилые супруги, они могли общаться одними жестами.

По вечерам, перед тем как вернуться домой, они сидели вместе под портиком Галереи Умберто Первого. Так было и сейчас. Оба молча набирались мужества, чтобы вернуться в свой дом.

Кончета Иодиче не спала и смотрела на спящего мужа. Она боялась, что у него начнется жар. Она всегда приходила в ужас от мысли, что муж может заболеть, а она не заметит этого.

Ее отец ушел из жизни именно так – умер ночью, когда мама, она сама и братья спокойно спали. Вечером он был, а утром его уже не стало. Отец покинул свое бедное изношен-

ное тело. Один глаз был полуоткрыт, другой закрыт; почерневший язык свисал из открытого рта. Отец лежал на спине рядом с кроватью; может быть, он искал помощи, а никто этого не почувствовал.

Поэтому Кончета сидела на стуле рядом с кроватью и смотрела, как Тонино Иодиче, собственник пиццерии и ресторанички, носящих его имя, спит трудным, тяжелым сном. Ее муж ворочался, стонал, сбрасывал с себя и снова натягивал одеяло. Его лицо было серого цвета, волосы на лбу намокли от пота, рот растянут в гримасе. Может быть, ему что-то снится, подумала Кончета и прислушалась: вдруг он что-нибудь скажет во сне. Но Тонино только стонал. Она вздохнула, встала, стараясь не шуметь, и взяла в руки куртку Тонино, чтобы повесить в шкаф. Сама того не замечая, она улыбнулась, подумав о том, что муж всегда разбрасывает вещи где попало. Сколько раз ей приходилось собирать его одежду по всему дому. Из кармана куртки выпал лист бумаги; Кончета наклонилась и подняла его.

Она не умела читать, но поняла, что это вексель и речь идет о предприятии мужа. На это указывала большая красная печать, похожая на почтовый штемпель. Кончета мгновенно повернула голову в сторону спящего мужа и замерла в ужасе, глядя на его большую ладонь честного труженика. Пальцы Тонино были испачканы засохшей кровью.

10

Даже при открытой двери света было мало. Тишина. Только скрипели петли: несколько окон были открыты и пропускали внутрь свежий воздух. Лезвие ножа мелькнуло как молния. Никто ничего не увидел. Не было даже крика.

Донна Винченца спускалась в переулок. Она шла очень быстро: ей было противно оставлять ночной горшок полным до вечера, и к тому же было приятно немного прогуляться. Было похоже, что зима никогда не кончится. Ей приходилось до сих пор держать окна закрытыми, чтобы укрыться от ночной сырости, от которой нестерпимо ныли ее кости. Уже много месяцев донна Винченца ходила скрючившись и от этого казалась старше, чем была. А ее пьяница муж еще не просыпался. К счастью, колокольный звон был таким сильным и раздавался так близко, что будил его. Тогда муж донны Винченцы выпрыгивал из постели и ругался, начиная свой день с богохульства.

Она вышла из маленькой двери и плотней стянула платок на голове. Прошла с ночным горшком в руке мимо запертой квартиры в нижем этаже и подумала, что бедная Раке-ле умерла год назад, оставив совсем маленькую дочь. «Впрочем, лучше она, чем я».

Она прошла еще несколько метров в сторону черного

колодца, закрытого канализационным люком. Дверь другой квартиры нижнего этажа, той, где жила шлюха, оказалась приоткрыта. Странно, подумала донна Винченца. Она знала, что первым уходит из дома мальчик – идет к своему родственнику, бригадиру каменщиков, учиться его профессии. Потом уходит шлюха – разорять какую-нибудь семью в магазине на улице Толедо.

Донна Винченца не устояла перед любопытством, подошла к двери, где была видна узкая щель, и положила ладонь на косяк. Дверь открылась. Старая женщина заглянула внутрь. Когда она снова смогла дышать, то закричала.

Бригадир Майоне шел быстро. Он не опаздывал, даже должен был прийти на место раньше времени. Но ему нравилось работать неторопливо: приготовить себе чашку кофейного напитка, расставить по местам полицейских, дать сотрудникам управления задания на день. И он шел быстро – потому, что был не из тех, кто опаздывает, и потому, что вес у него был большой, а он шагал вниз по склону.

Идти было недалеко. От площади Конкордия он шел по длинной улочке, которая называлась улицей графа ди Мола, а теперь был уже на улице Толедо. Оставалась всего одна минута пути до полицейского управления и до нового рабочего дня, в который он уже мысленно погрузился. Вокруг него шумел просыпающийся город – со скрипом открылись несколько ставней, пела какая-то женщина, плакал малень-

кий ребенок. Запахи тоже были те, с которыми город просыпался: пахло пылью, экскрементами, вчерашней едой и лошадыми.

Вдруг воздух, которым дышал Майоне, взорвался от крика. Этот вопль разметал все его мысли и воспоминания. Майоне, у которого был хороший слух, понял: так кричат не во время ссоры и даже не от отчаяния, а от ужаса. Этот крик звенел у бригадира в ушах. Еще ни один любопытный не появился на балконе, а Майоне уже сжал кулаки и помчался туда, где кричали. Полицейский – всегда полицейский, и еще не было случая, чтобы бригадир Майоне сказал себе: «Рафе, не лезь в чужие дела».

Голос был женский и доносился из Инжирного переулка. Бригадир оказался на месте раньше всех. Он увидел пожилую женщину в платке на голове и с ладонью у рта, возле нее осколки ночного горшка и струйки мочи, и полуоткрытую дверь нижнего этажа. Он перевел взгляд в том направлении, куда смотрела женщина, стараясь заметить как можно больше подробностей. Дверь отперта изнутри; засов отодвинут; внутри тихо; не заметно никакого движения. На пороге, между полом и улицей, половина следа ботинка, возможно мужского. След черный. А почему черный? Майоне сразу понял почему.

– Не двигайтесь, синьора, оставайтесь там. Вы видели, как кто-нибудь выходил оттуда?

Донна Винченца, которая еще не пришла в себя от ужаса,

покачала головой: «Нет». На первом этаже с громким стуком ударилась о стену ставня, из окна выглянул пожилой мужчина и крикнул:

– Винче, что случилось? Ты что, с ума сошла: орешь в такую рань! Кто там...

Полицейский резко вскинул руку. Увидев его, мужчина замолчал и стал закрывать ставни, да с таким усердием, что его палец застрял между ними. Раздался приглушенный вскрик, а потом ставни закрылись до конца. Бригадир заметил, что в глазах старухи мелькнул огонек удовольствия. Должно быть, это был ее муж.

Майоне встал на пороге двери и немного подождал, давая глазам привыкнуть к темноте. Теперь он начал различать очертания предметов – кровать, антресоли, шкаф, стол. Два стула – один пустой, другой нет. Тишина. Он сделал еще один шаг и разглядел профиль того, кто сидел на стуле. Это была женщина, она сидела неподвижно, очень прямо, повернувшись к стене. В этой позе было что-то такое, от чего у Майоне мурашки пробежали по коже. Он произнес нелепое:

– Разрешите войти!

Женщина медленно повернула к нему лицо, и оно показалось в тонкой полосе света, который проникал из приоткрытой двери. Он увидел белую длинную шею и несколько прядей черных как ночь волос. Висок, ухо, лоб, идеально правильный нос. Глаз, спокойно смотревший перед собой; длинные ресницы – ни одна не дрожала. Где-то в комнате стучали

падающие капли. В их ритме было что-то вызывавшее тревогу.

Даже несмотря на полутьму и беспокойство, вызванное этим звуком, Майоне осознал, что женщина необыкновенно красива. Профиль в утреннем свете постепенно превращался в прекрасное округлое лицо: красавица поворачивалась к бригадиру. Майоне, не дыша, любовался этим прекрасным видением. Когда она закончила поворачиваться, он увидел то, что несколько минут назад видела донна Винченца.

Филомена была изуродована: ее правую щеку от виска до подбородка рассекал шрам.

Из этой раны на пол упала еще одна тяжелая капля крови.

Из груди Майоне одновременно вырвались вздох, который он так долго удерживал, и стон.

Тереза встала рано: эта привычка осталась у нее с тех пор, когда она еще не ушла служить в город, а жила в деревне. Многократно она собиралась навестить мать, отца и многочисленных братьев, но каждый раз ее останавливали скудость и смутная боязнь, что кто-то или что-то заставит ее остаться на родине, и тогда она снова станет бедной и несчастной. Ее семья жила вся вместе в большой комнате, где было холодно зимой и жарко летом, и эта комната часто снилась Терезе в кошмарных снах.

В таких случаях она, чтобы успокоить свою совесть, посылала близким немного денег с земляком, который раз в

неделю возил в город зелень, передавала с ним приветы всем родным и просила сказать, что она здорова. В промежутках между посылками она работала и крепко держалась за свое место в красивом особняке на улице Санта-Лючия, близко к морю, среди изящных экипажей, красивых платьев и даже автомобилей, которые она видела с балкона, когда они проезжали мимо.

Это была хорошая работа. В семье, где она служила, не было ни детей, ни стариков. Из пятнадцати комнат этого большого дома многие всегда были заперты, и даже она заходила в них не больше двух раз в год, чтобы сделать уборку. А еще Терезе нравилось жить жизнью своих хозяев, наблюдая за ними. Она спрашивала себя, как человек может не быть счастливым, когда он владеет всеми этими благами. Но даже ее простодушные глаза ясно видели, что ее хозяйева страдают.

Хозяйка была значительно моложе своего мужа-профессора и была очень красива. Терезе она казалась похожей на Мадонну дель Арко² из-за своих драгоценностей, нарядной одежды и обуви. И так же как у этой мадонны, у хозяйки всегда на лице отражалась боль, а глаза были печальны и смотрели перед собой словно в пустоту. Тереза вспоминала, что у одной женщины с ее родины глаза стали такими же после

² *Мадонна дель Арко* – известная чудотворная икона Девы Марии из городка Санта-Анастасия в итальянской области Кампания. Этой иконе каждый год подносят очень много даров после посвященного ей праздника.

того, как ее сын умер от лихорадки.

Профессора почти никогда не было дома, а если он и был в особняке, то молчал и читал. Тереза робела перед ним до того, что не осмеливалась на него смотреть. Он был седой, высокий, одет всегда элегантно – жесткие воротнички, которые она крахмалила, золотые запонки, галоши, монокль на золотой цепочке. Она никогда не слышала, чтобы он говорил с женой; казалось, будто это два незнакомых друг другу человека. Правда, однажды Терезе показалось, что они спорят, когда она вошла в зеленую гостиную и принесла кофе; но может быть, это было радио. Супруги встречались только за столом, когда ели; он читал, а она смотрела перед собой как в пустоту. Несколько раз Тереза рано утром видела, как синьора возвращается, проведя ночь вне дома.

В то утро она готовилась к стирке. Было еще рано, вдали рыбаки, громко перекликаясь, вытягивали свои лодки на берег. Было, наверное, шесть часов, а может быть, и того меньше. Вдруг перед ней появился профессор – и такой, каким она его никогда не видела: непричесанный, воротник растянут, на щеках, которые всегда были тщательно выбриты, теперь пробивалась щетина, глаза выпучены, монокль свисает из кармашка и качается на цепочке, будто сломанный кулон. Ему полагалось спать в своей спальне: он никогда не просыпался раньше восьми.

Он подошел к Терезе, крепко сжал ей руку и заговорил:
– Моя жена, моя жена! Она вернулась?

Тереза покачала головой, но он не оставил ее в покое.

– Послушай меня, и слушай внимательно. Как тебя зовут – Тереза, верно? Так вот, Тереза: моя жена скоро вернется. Ты не должна ничего говорить, понимаешь? Молчи. Я вернулся вчера вечером, и после этого ты меня не видела. Поняла? Молчи!

Тереза кивнула в ответ. Она готова была сделать все что угодно, лишь бы этот мужчина отпустил ее. Сейчас он казался ей похожим на дьявола. Где-то пел рыбац; медленное утреннее море тихо шумело.

Продолжая пристально глядеть на девушку, мужчина отпустил ее и, пятась, вышел из прачечной. Сердце Терезы стучало так, что удары отдавались в ушах. Профессор исчез. Может быть, он ей приснился; может быть, она его не видела. Она вздрогнула и опустила глаза.

На полу она увидела след, оставленный ботинком профессора. След был черный, словно ботинок был испачкан илом – или кровью.

Майоне вышел из двери нижнего этажа вместе с женщиной, поддерживая ее и прижимая к ее искалеченному лицу платок, который уже промок от крови. Всего за минуту вокруг них собралась толпа, как обычно бывает в бедных кварталах, где народ собирается посмотреть на любое событие – и на счастье, и на беду. В первом случае людей собирает зависть, во втором, и это бывает намного чаще, ощущение, что сами они спаслись от опасности, и холодное сочувствие.

Однако в этот раз Майоне читал в глазах женщин, стоявших на маленькой площади, вражду.

Она пульсировала сильнее, чем ужасная рана, которую он чувствовал через платок. Ту, которая вышла из темноты, здесь явно не любили. Бригадир огляделся вокруг.

– Так тебе и надо, шлюха! – прошипел кто-то ей в спину.

Майоне услышал это и обернулся, но не смог определить, из чьего рта вылетели эти жестокие слова.

В глазах женщины застыло изумление, словно она только что ослепла и это ее ошеломило.

– Как вас зовут? – спросил Майоне, но она не ответила.

– Филомена ее зовут, – ответила за женщину старуха, которую он увидел здесь первой, – та, которая кричала.

– А фамилия как? – спросил у старухи Майоне и сурово взглянул на нее. Враждебность, нежелание помогать. Чув-

ства старухи были так видны, словно их можно было потрогать рукой.

– Кажется, Руссо.

Если бы у Майоне было время, он бы горько улыбнулся. Здесь каждый знал, сколько у каждого соседа волос на теле, и это «кажется» было смешно, как звук картонной трубы.

– Есть здесь какая-нибудь подруга этой синьоры? Или кто-нибудь, кто сможет отвести ее в больницу?

Тишина. Женщины, которые стояли ближе всех, даже сделали шаг назад. С отвращением на лице Майоне раздвинул их и быстро пошел в сторону площади Карита, к больнице Пеллегрини. Но перед этим он запечатлел в своей памяти несколько лиц, приоткрытую дверь и кровавый отпечаток половины следа.

Перед больницей уже собралась группа мнимых больных – тех, которые каждое утро пытались разжалобить врачей, санитаров и служителей и лечь сюда, чтобы погреться в тепле и, может быть, поесть что-нибудь перед тем, как вернуться на улицу. Майоне, обнимая Филомену рукой за плечи и прижимая платок к ее лицу, решительно проложил себе путь к главному входу. За оградой кипела жизнь на рынке Пинья-секка, и в воздухе разносились крики продавцов, которые, соперничая друг с другом, зазывали покупателей.

Бригадир накинул женщине на плечи свое пальто. За всю дорогу она не сказала ни слова и ни разу не застонала. Только

пару раз вздрогнула, когда Майоне из-за неровностей почвы поневоле сильнее прижимал платок к ее лицу. Боль, должно быть, была очень сильной. Майоне спросил себя: кто мог столь ужасно поступить с такой красавицей? И откуда такая ненависть к ней у соседей по дому? Обычно соседи стоят друг за друга и друг друга утешают.

Поскольку Майоне загоразивал собой ту сторону лица, где была рана, несколько разносчиков с рынка, узнав его, тихонько хихикнули: смотрите-ка, бригадир гуляет с подружкой. Майоне пропустил эти смешки мимо ушей: он продолжал беспокоиться из-за того, что женщина потеряла много крови. Войдя в вестибюль больницы, он позвал охранника.

– Доктор Модо на рабочем месте?

– Да, бригадир. Он заканчивает через час, потому что работал ночью.

– Вызовите его ко мне. И поскорей.

Доктор Бруно Модо был хирургом и судебно-медицинским экспертом. Когда-то он служил офицером в Северной Италии, и его характер сформировался именно в те годы. Но он считал, что самое худшее в жизни увидел позже, глядя на то, что одни люди могут сделать с другими, когда это нельзя оправдать войной. Если только предположить, но не допустить, что война может что-то оправдать, с горечью думал он. Он удивлялся тому, что не смог стать циником, что и теперь собственной кожей чувствует боль чужих ран и ток крови

тех несчастных, которые с утра до вечера проходили через его руки. И семью создать ему тоже не удалось: не хватало мужества отправить будущего сына в этот мир. Поэтому он находил себе где-нибудь в этом голодном городе женщину, платил ей и возвращался домой удовлетворенный.

Он наблюдал за своей эпохой, держась на расстоянии, чтобы не пострадать от новой, склонной к насилию власти. Он не верил, что во имя добра можно делать зло, и недвусмысленно говорил о своем неверии, поэтому оказался в изоляции: не был принят в обществе и не сделал той карьеры, которую заслуживал. Но люди, с которыми он работал, уважали его. Ричарди, например, никогда бы не согласился взяться за раскрытие преступления, зная, что доктора Модо не будут допрашивать.

Поэтому Майоне разыскал доктора, и тот охотно забыл об усталости, хотя провел трудную ночь, зашивая разорванные головы подравшихся между собой пьяниц.

– Бригадир, какой добрый ветер принес вас сюда рано утром? Ваш начальник не с вами?

– Нет, доктор, я без него. Идя на службу, я обнаружил... вот это.

Модо уже заметил рану на лице Филомены и повернул ее голову к свету. Она без стога послушно подняла голову, которая была прижата к плечу полицейского.

– Мать Божья... Кто же мог сделать такое? Какая жалость! Теперь уходи, Майоне. Я отведу ее в отделение и по-

смотрю, что можно сделать. Спасибо.

– Это вам спасибо, доктор. И еще просьба: не отпускайте эту синьору, когда закончите. Я хочу разобраться, что произошло, и зайду попозже.

Оба заметили, как блеснули при этих словах глаза Филомены. Что это было? Страх и гнев. Но было и немного гордости.

12

Была уже середина утра. Южный ветер постепенно усиливался. Он принес с собой какой-то неопределенный, но приятный аромат – даже не аромат, а привкус воздуха. Пахло одновременно цветами миндаля и персика, свежей травой и морской пеной, высушенной на далеких скалах.

Было похоже, что еще никто не заметил этого. Но кто-то обнаружил, что развязал шнурок на воротнике блузы, растегнул манжеты или сдвинул шляпу на затылок.

И почувствовал смутную радость, словно ждал что-то хорошее, но не знал, что именно, или как будто с другим человеком произошло что-то хорошее, но незначительное: ты этому радуешься, но не можешь сказать почему.

Это весна легко кружилась, танцевала на пальцах, как балерина на пуантах. Она была молода, весела и еще не знала, что принесет с собой. Но она очень хотела устроить небольшой беспорядок и стремилась приняться за это как можно скорей. Определенной цели у нее не было, она хотела просто смешать карты.

И перемешать кровь людей.

Ричарди поднял голову от письменного стола, чтобы вернуться к действительности.

После дела об убийстве тенора из театра Сан-Карло, которое комиссар расследовал месяц назад, ему остались в наследство километры чернильных строк на гектарах желтой и белой бумаги; каждый текст должен быть в трех экземплярах, и все время приходилось повторять одно и то же. Он подозревал, что где-то наверху в Риме его проверяют, как школьника, – не будет ли противоречий в написанном.

Ричарди взглянул на свои наручные часы. Уже половина одиннадцатого, а он и не заметил, как прошло время. Он сосредоточился и вспомнил, что в его однообразном утре чего-то не хватало. Не чего-то, а кого-то: Майоне. Вот почему он не заметил, как прошло время: бригадир сегодня не предлагал ему выпить суррогатного кофе. Майоне навязывал ему этот ужасный напиток каждый день в девять часов, и это было знаком, отмечающим начало рабочего дня. Что случилось с бригадиром?

Не успев додумать эту мысль до конца, Ричарди услышал торопливый стук в дверь.

– Войдите!

В дверях появился запыхавшийся от быстрой ходьбы Майоне и поспешно отдал ему честь. На погоне у бригадира

было пятно – несомненно, кровь.

– А, Майоне, добро пожаловать! Что это ты затеял сегодня? И это пятно откуда? Ты поранился?

Говоря это, Ричарди вскочил с места так быстро, что ручка покатила по лежавшему перед ним бланку. На его лице отразилось беспокойство. Майоне, заметив это, на минуту почувствовал нежность к нему и гордость за себя: он хорошо знал, что даже в глазах его начальника редко можно прочесть какое-нибудь чувство.

– Нет, комиссар, что вы, со мной ничего не случилось. Я помог женщине которая... поранила себя. Отвел ее в больницу. Извините за опоздание. Мне жаль, что вы остались без кофейного напитка.

– Не волнуйся: ничего нового не произошло. Все хорошо. В городе и без тебя все было спокойно, как хочет Большая Челюсть³.

– Тогда я сейчас пойду и приготовлю нам напиток: мне тоже не помешает немного привести себя в порядок.

Как только он вышел, Ричарди снова приготовился писать. Но очередному формуляру, видимо, было суждено остаться недописанным – во всяком случае, в этот день. В следующую секунду в дверях появился полицейский, дежуривший у входа, и сообщил комиссару, что в квартале Санта обнаружен труп.

³ Большая Челюсть – прозвище Муссолини.

Та бригада полицейского управления округа Реджиа в Неаполе, где служил Ричарди, только называлась мобильной, то есть передвижной. Она страдала от хронического отсутствия положенных ей автомобилей. Комиссару ее название казалось остроумной иронией: передвижная без средств передвижения.

По правде говоря, у полицейского управления было два автомобиля – старый «Фиат-501» выпуска 1919 года и ярко-красный 509А 1927 года. Ричарди за четыре года службы видел их всего два раза: первая машина постоянно была в ремонте, вторая вместе со своим водителем выполняла задание первостепенной важности – возила по магазинам жену и дочь начальника управления.

Поэтому, если что-то случалось в отдаленном квартале, бригаде приходилось мобильно перемещаться туда на собственных ногах, обутых в форменные сапоги.

Ричарди был одним из тех, кто считал, что своевременно прибыть на место крайне важно. Он хорошо знал, сколько бед – и каких больших бед – могут натворить на месте преступления один или несколько любопытных, которые чем дальше, тем больше нервничают от того, что попали в свидетели, и от того, что должны рассказывать что-то ужасное. Следы обуви, сдвинутые с места предметы, окна, которые они закрывают, если те открыты, или открывают, если закрыты, распахнутые двери...

Поэтому комиссар терпеть не мог последним появляться

не месте происшествия – раздвигать толпу, слышать свой голос, посылающий в пустоту бесполезные вопросы, успокаивать кричащих родственников. Всего этого было во много раз больше, если квартал был населен простым народом. А Ричарди жил на границе Саниты и знал, что этот квартал – самый простонародный из простонародных. Вскоре он шел по улице Толедо во главе своей бригады; Майоне, задыхаясь, шел на один шаг позади, два полицейских замыкали маленькую процессию. Ричарди думал о том, что каждая минута этого пути – потерянная минута, и ускорял шаг. Он шел тем же путем, которым каждый вечер возвращался с работы. Но на этот раз его не ждали ужин и свет в окне напротив.

* * *

Увидев перед собой маленькую площадь над кварталом Матердей, он понял, что ему нет смысла спрашивать, что и где случилось. Достаточно идти за возбужденными детьми, которые бежали в этом же направлении. Должно быть, в джунглях, про которые писал Сальгари, гиены и грифы так же собирались у туши, находя ее по запаху крови. Люди толпились перед маленьким особняком. Майоне и два полицейских выстроились клином перед Ричарди, чтобы прокладывать ему путь. Но достаточно было бы только их голосов: люди сами расступались, чтобы даже случайно не иметь дела с полицией.

Перед главным входом комиссар и его спутники остановились, и наступила тишина. Ричарди огляделся: может быть, кто-то хочет что-нибудь сказать и даст предварительную информацию? Молчание. Мужчины, женщины, дети – все словно онемели. Никто не опустил глаза, никто ничего не пробормотал. Шапки сняты, их держат в руках. В глазах потрясение и растерянность, любопытство, удивление, даже насмешка, но ни капли страха.

Ричарди узнал старого врага – неписанный закон квартала. Он – представитель другого закона. Эти люди не признают его авторитет. Мешать они не будут, но и помогать тоже. Они просто не хотят, чтобы он здесь был. Чем скорее он уйдет, тем лучше для них. Тогда каждый снова займется своими делами или станет оплакивать своих мертвецов.

Откуда-то сверху раздался долгий крик. Похоже, кричала женщина. Ричарди, продолжая смотреть в глаза людям из первого ряда толпы, сказал:

– Майоне, скажи нашим людям, чтобы ждали у входа, а сам иди со мной. Если у кого-то будет что сказать, позаботься, чтобы эти люди сообщили свои имена: мы выслушаем их в управлении.

Его слова упали в тишину. Старик с трудом переступил с ноги на ногу, и его суставы тихо скрипнули. Маленький ребенок что-то пролепетал на руках у матери. С середины площади вспорхнули несколько голубей.

Ричарди повернулся к толпе спиной, вошел в подъезд и

стал подниматься по лестнице.

Ступень за ступенью. Кислый запах мочи и экскрементов смешивался с острыми запахами чеснока, лука и пота.

Еще до того как Ричарди узнал о своем втором зрении, он узнал о своем другом проклятии – чувствительности к запахам. Иногда они оглушали его, а иногда отвлекали, сбивали с мысли, как ветер сбрасывал с положенного места непокорную прядь волос, которую он убирал с нахмуренного лба. В темных углах неровных лестниц комиссар скорей ощущал на своей спине, чем видел взгляды незнакомых глаз и чувствовал в них вражду и любопытство. Сзади него были слышны тяжелые шаги Майоне; под его защитой Ричарди чувствовал себя уверенно. Ричарди считал бригадира своей живой записной книжкой: в памяти Майоне отпечатывались образы и слова, замеченные ими во время расследования. Потом комиссару было достаточно перелистать память своего помощника, чтобы вспомнить ощущения, голоса, выражения лиц и обороты речи.

На втором этаже они обнаружили приоткрытую дверь и перед ней – огромную женщину с пучком жирных волос на затылке. Ее лицо покраснелось, руки были сложены под грудью, пальцы переплетены и сжаты так крепко, что костяшки побелели. Было похоже, что она привыкла к несчастным случаям, но не к таким, как тот, который с ней только что

произошел. На этот раз заговорил Майоне.

– Кто вы? – спросил он.

– Петроне Нунция, привратница этого особняка. Это я ее нашла.

Ни гордости, ни смущения, ни страха. Просто констатация факта.

Луч проникавшего снаружи дневного света, словно лезвие, разрезал тьму на лестничной площадке, и Ричарди ясно услышал тот стон, который уже слышал, стоя на улице.

– Кто находится внутри?

– Только моя дочь Антониетта. Она умственно неполноценная.

Последняя фраза была сказана так, как будто объясняла все. Майоне взглянул на Ричарди, тот кивнул в ответ. За их спинами, как обычно, уже собралась маленькая толпа. Шеи были вытянуты, глаза метали взгляды в разные стороны, чтобы увидеть подробности, о которых потом можно будет рассказать, – если понадобится, преувеличив. Лестница была узкой, и это мешало толпе увеличиться.

– Чезарано! – крикнул Майоне. – Я же сказал: никто не должен подниматься вверх.

– Никто и не поднимался, бригадир! – долетел с улицы ответ полицейского Чезарано.

– Это жильцы особняка, – объяснила привратница.

– Здесь нечего смотреть, возвращайтесь по домам.

Никто даже не шевельнулся, а те, кто стоял в первом ряду,

отвели глаза в сторону, делая вид, что они тут совершенно ни при чем.

– Хорошо, я понял. Камарда, запиши имена этих синьоров и синьор: так мы будем знать, кого вызвать в управление для беседы.

Бригадир еще не успел договорить эту волшебную фразу, а толпа уже рассосалась. Громко стукнула, захлопываясь, чья-то дверь, и на лестничной площадке снова стояла только привратница Нунция.

Майоне повернулся к Ричарди:

– Комиссар, может быть, я выведу оттуда дочь этой синьоры?

Давняя установленная процедура: при первом осмотре места преступления сначала Ричарди входил в помещение один и мысленно восстанавливал картину событий. Затем входил Майоне, который осматривал это помещение взглядом полицейского и собирал первые данные – поза, в которой обнаружен труп, состояние окон и дверей и так далее. Потом они искали и опрашивали свидетелей. Наконец, вызывали прокурора, решали, можно ли уже убрать всю эту грязь, и возвращались в управление начинать охоту.

– Нет, оставь ее там. Пойду я.

Жизнь состоит из неожиданностей, подумал Майоне, сказал «слушаюсь» и отступил, пропуская своего начальника в квартиру.

Ричарди прошел в дверь. Маленькая прихожая, вешал-

ка с полкой для шляп и скамейкой. Вся мебель – массивные деревянные вещи, которые человек не ожидает увидеть в Саните, в маленькой квартирке. Стон раздавался из-за той единственной двери, откуда падал свет. Два шага вперед – и Ричарди в маленькой столовой.

Диван и рядом кресло, обитые голубым атласом с золотыми полосами, на них маленькие вышитые салфетки там, куда человек кладет голову. Круглый стол, три стула, из которых один наполовину сломан, ковер. В ковре он заметил дыру – в том углу, который был дальше всего от глаз тех, кто входил. Постоянная тоска, чистейшая боль. Чеснок, моча – это дом стариков. Через распахнутую дверь балкона льется свет. Он такой яркий, что ослепляет: впереди нет других особняков, которые могли бы преградить ему путь. Струя нового, весеннего воздуха шевельнула занавеску, но не развеяла неприятные запахи. Жаль, что запахи остались, подумал Ричарди.

Сладковатый привкус в воздухе: смерть требует для себя места.

Большая муха упрямо билась в оконное стекло.

Еще один шаг, и Ричарди увидел то, что до сих пор было загорожено от него креслом. За диваном, согнувшись, почти незаметная для глаз, сидела на полу девочка, раскачивалась из стороны в сторону и пела – точнее, тянула все время одну и ту же ноту. На расстоянии одного или, может быть, двух метров от нее, у самого края полосы света, проникавшего сюда через балкон, и рядом с перевернутым четвертым

стулом лежал сверток каких-то лохмотьев в почти высохшей луже темной жидкости, которая залила пол между узором из белых и черных плиток и ковром. Девочка не смотрела на сверток; она глядела в другой угол комнаты.

Ричарди посмотрел в ту же сторону. И увидел то, на что глядела она.

Комиссар и девочка смотрели на старуху. Не на труп: это была брошенная вещь, такая же грязная, как ковер, на котором она лежала. Они смотрели на образ старухи, стоявший очень прямо в затененном углу и ярко окрашенный ее последним сильным чувством.

Комиссар не был удивлен: он понял, что девочка тоже видела мертвых.

Странно, но Ричарди боялся не мертвецов, а своего второго зрения и тех, кто им обладает. В том числе себя самого.

Он смотрел на девочку, которая скрючилась на полу. Она медленно качалась вперед и назад и жалобно пела. Ее глаза смотрели в одну точку, словно она видела что-то. На лбу были морщины, словно она никак не могла осознать то, что видела. Она смотрела не на мертвого человека, а на смерть. И стонала то ли от горя, то ли от ужаса.

Ричарди тоже переключил свое внимание на образ старой женщины. Она была похожа на множество других старух, несущих тяжелый груз прожитых лет и страданий; таких можно увидеть на рынке. Платье из набивной хлопчатобумажной ткани, которое она носила и летом, и зимой, и шаль с пятнами. Рост маленький, кисти рук деформированы артритом. Распухшие ноги, при жизни красные от варикозных вен, а теперь побледневшие.

Ричарди вдруг понял, что убийца не просто лишил ее жизни, а растерзал. Это была бешеная ярость, не холодный расчет. Слепая страсть, от которой человек тупеет. Шея был наклонена неестественно: сломаны позвонки. С правой стороны – глубокая вмятина в черепе. Глаз раздавлен и превратился в однородную массу, скула вдавлена в щеку, ухо разорвано в клочья. Значит, был целый ряд ударов; может быть, били палкой.

Кажется, с другой стороны проломлен бок. Ричарди бросил взгляд на сверток лохмотьев и убедился в том, что был прав: труп старухи лежал на правом боку. Убийца ожесточенно бил уже мертвое тело, может быть, ногами. Этим объясняется и форма лужи крови на полу – полоса длиной примерно метр. Бил хороший футболист. Центральный нападающий, подумал Ричарди.

Он сосредоточился: перестал слышать стон девочки и шум, доносившийся из-за двери. Уцелевший глаз старухи смотрел нежно, почти ласково и был затянут прозрачной голубой пленкой; возможно, на нем была катаракта. Ричарди немного наклонил голову и прислушался к чувствам и словам призрака...

Он не уловил удивления, которое почти всегда бывает при внезапной смерти. Не было и зверской ненависти, слепой ярости, гнева человека, который лишен чего-то. Не было мучительной боли, которую вызывает разлука. Он уловил грусть, почти бесстыдную нежность и немного гордости. Из

старого сломанного горла вылетел слабый картавый шепот: «Хосподь не купец, который плотит по субботам». Господь не купец, который платит по субботам.

Так они оставались рядом еще минуту – странная семья, объединенная смертью и болью. Монотонно поющая девочка с нахмуренным лицом – из уголка ее рта, скользя из стороны в сторону, текла струйка слюны. Бледно-желтый, как воск, мужчина почти у самого порога – он держал ладони в карманах расстегнутого пальто и немного наклонил голову набок. И призрак старухи с разбитым горлом, которая, пройдя через смерть, смотрела на нее с необычным чувством и повторяла с легким вздохом старинную поговорку на диалекте.

Муха разбила черные чары, остановившие время, и закрыла двери ада: это упрямое насекомое в последний раз столкнулось со стеклом балкона и стало вторым трупом в комнате.

Тереза вытирала пыль в одной из маленьких гостиных и спрашивала себя, почему она должна это делать. Зачем каждый день чистить то, что и так чисто, и приводить в порядок то, что и так уже находится в полном порядке? И для чего в этом огромном всегда запертом доме столько гостиных, в которых никого не принимают?

Это был как будто дом мертвецов. Его хозяева проводили свою жизнь где-то еще, а потом погружались в темноту его тихих комнат и лишённых блеска серебряных вещей, словно в могилу.

Хозяйка вернулась после своей долгой ночи около девяти часов. Тереза столкнулась с ней в коридоре и, как всегда, шепотом пожелала ей доброго утра. Как всегда, хозяйка ее не услышала: мертвые не могут слышать. Но в это короткое мгновение Тереза заметила, что выражение лица синьоры изменилось. Больше не было той легкой улыбки, которая весь предыдущий месяц освещала изящные черты этого лица. На этот раз оно, кажется, выражало горе, боль утраты и покорность. Синьора шла медленно, смотрела перед собой невидящими глазами, и на ее накрашенном лице были заметны следы слез.

Хозяйка не заговорила с Терезой, не спросила ее о муже, как иногда бывало. Девушке от этого стало легче: она не зна-

ла, сможет ли выполнить приказ профессора и солгать, что не видела его с прошлого вечера. К счастью, синьора Эмма прошла мимо служанки, не видя ее, как будто жила в другом измерении. Как будто была призраком.

Оставив одного полицейского у двери, Майоне откликнулся на зов своего начальника и стал вместе с Ричарди обыскивать квартиру. У них было целых полчаса до того, как придут прокурор и судмедэксперт, за которыми они уже послали.

Осматривать нужно было немного. Жертва, которую звали Кармела Кализе, жила одна, детей не имела, родственников у нее тоже не было – во всяком случае, о них не было известно. Две комнаты, маленькая кухня; уборная на лестничной площадке, общая с еще тремя семьями. Кроме маленькой столовой, где Кармела умерла, в квартире была спальня, оклеенная убогими обоями, на которых были изображены яркие цветы. От этих обоев сильно пахло свежим клеем. Майоне подумал: если бы старуху не убили, она бы сегодня же ночью умерла во сне от отравления, это точно.

Мебели мало, и она простая – узкая кровать, придвинутая к одной из стен, и комод. На комодике статуэтка Девы Марии в короне из окрашенного в золотой цвет гипса и с четками на шее. Там же – портрет мужчины и женщины из другой эпохи и перед ним горящая лампада; может быть, это родители Кармелы, а может быть, ее брат со своей женой – воспоминания.

нения, утерянные навсегда. Стул. Перед кроватью – коврик в серую и черную клетку.

Они вернулись в столовую, где привратница стояла, наклонившись, над своей дочерью и гладила ее по голове. А та продолжала тянуть свой напев и качаться из стороны в сторону, не переставая смотреть на то, что видели в темном углу только она и Ричарди. Комиссар автоматически посмотрел туда же.

«Хосподь не купец, который плотит по субботам», – повторил каркающий призрак со сломанной шеей. Занавеска задрожала от порыва ветра. На улице кричали играющие дети.

Майоне повернулся к Нунции:

– Значит, это вы ее нашли.

Привратница отвела взгляд от дочери и подняла глаза, выпрямилась, гордо взглянула на комиссара и ответила:

– Да. Я об этом вам уже говорила.

– Расскажите мне, как это произошло.

– Каждое утро, когда мы просыпаемся, я отвожу Антониетту сюда наверх, к донне Кармеле. Только она любит мою дочь; она говорит, что Антониетта составляет ей компанию и не докучает ей. Моя дочка садится рядом с донной Кармелой и смотрит, как та работает. А донна Кармела иногда дает ей печенье или что-нибудь поесть. А мне это приятно: у меня много работы. Мне надо держать в порядке этот особ-

няк; вы не представляете, какой тяжелый это труд. Я одна; мой муж... была война, он ушел воевать на север и больше не вернулся. Девочке тогда был год.

– Значит, сегодня утром вы провожали девочку сюда.

– Да, в половине десятого. Я знаю время потому, что закончила мыть лестницу, но еще не начинала готовить завтрак. Перед тем как пойти купить с тележки немного зелени для бульона, я хотела быть уверена, что девочке не будет страшно, и потому не желала оставить ее одну.

– Поэтому вы постучали в дверь...

– Вовсе нет: дверь донны Кармелы была уже открыта. Она ее открывает рано утром, когда возвращается с мессы, и так оставляет. Все, кто живет в этом особняке, – как одна семья, все знают друг друга. Поэтому незачем закрывать двери: никакой опасности нет.

Майоне и Нунция быстро переглянулись, указывая друг другу, что сверток лохмотьев и пятно крови на полу явно противоречат этому утверждению привратницы.

Нунция осознала, что значит этот обмен взглядами, и покраснела, словно ее обидели.

– Мерзкий негодяй, который это сделал, не из нашего квартала. Я говорю это вам, чтобы вы не занимались бесполезным трудом. И тем более он не из особняка. Донна Кармела была святая женщина, просто святая, и все ее любили. Она всем помогала, всех выручала. Пусть будет проклят и мучается тот мерзавец, который это сделал! – прошипела она

сквозь сжатые зубы, выплевывая свою ненависть изо рта, как слюну.

Майоне и Ричарди вычеркнули привратницу из списка возможных убийц – если не мысленно, то интуитивно.

Бригадир продолжал задавать вопросы:

– Значит, вы вошли.

– Да. Я хотела пожелать ей доброго дня и сообщить, что оставляю девочку у нее. И обнаружила... вот это. Это зверство, эту мерзость.

– Когда вы в последний раз видели ее живой?

– Вчера поздно вечером, около десяти. Мы с дочкой поднялись к ней, закрыли окна и погасили угли на кухне. Мы это делаем каждый вечер.

– Какой она вам показалась? Волновалась ли, была ли чем-то озабочена... Вы не заметили, было что-нибудь необычное в поведении этой синьоры?

– Нет, ничего. Она мне сказала «до завтра». Я спустилась к себе, а примерно через час пришла Антониетта. Больше я ничего не знаю.

– Вы не знаете, не ссорилась ли она недавно с кем-нибудь, не было ли у нее в последнее время разногласий с кем-то или чего-нибудь в этом роде? Может быть, она жаловалась на что-то или вы слышали какие-то разговоры?

– Что вы, нет! Я вам уже говорила и повторяю теперь, что донна Кармела была святая. Ее все любили. Никто бы не посмел ее обидеть. И потом, у нее пальцы были скрючены и она

была слабая. Она страдала этой болезнью стариков...

– Артритом?

– Вот-вот, им самым. От него у донны Кармелы были боли. Летом мы слышали через открытое окно, как она стонет во сне. Теперь она перестала страдать, – сказала привратница, глядя на сверток лохмотьев.

Майоне повернулся к Ричарди: нет ли вопросов у комиссара?

– Вы сказали, что ваша дочь садится рядом с донной Кармелой и смотрит, как та работает. А какую работу делала донна Кармела?

Удивительно, но привратница покраснела и опустила глаза. Она внезапно утратила гордый вид, который сохраняла до этого момента. Последовало долгое молчание. Майоне вмешался в разговор:

– Вы слышали комиссара? Отвечайте!

Она медленно подняла глаза и ответила бригадиру. Майоне только сейчас понял, что за все это время Нунция ни разу не посмотрела Ричарди в лицо. Опять то же самое: страх и отвращение, подумал он.

– Донна Кармела... была святая. Она помогала ближним решать их вопросы.

Понизив голос, Ричарди спросил:

– А как она это делала? Как донна Кармела помогала ближним?

Тишина: Нунция не отвечала. Антониетта почувствова-

ла напряженную атмосферу в комнате и прекратила стонать, однако продолжала раскачиваться и смотреть в угол.

С маленькой площади донесся радостный крик детей: кто-то выиграл очко в игре – не важно в какой. Нежный запах цветов постепенно одерживал победу над запахом свернувшейся крови, но еще не одолел запахи чеснока и мочи.

Нунция медленно повернулась к Ричарди. Пристально глядя в его зеленые и словно стеклянные глаза, она ответила:

– Донна Кармела читала будущее по картам.

Розе было семьдесят лет. Она помнила далекие времена, когда у людей были другие ценности. В то время, из которого она была родом и в котором продолжала жить душой, женщина посвящала себя семье, в которой жила, пусть это даже была не ее семья. И Роза посвятила себя семье Ричарди ди Маломонте, когда они забрали ее из деревенского дома, где была всего одна комната, от одиннадцати братьев и от родителей, которые даже не помнили ее имя. У нее никогда не было потребности иметь мужа или собственных детей. Баронесса была больна, ей не хватало сил, чтобы растить ребенка. Поэтому она, энергичная няня Роза, взяла на себя обязанности своей хрупкой подруги с печальными зелеными глазами и выполняла их всю жизнь.

Теперь молодому хозяину было больше тридцати лет, а он даже не пытался освободиться от груза одиночества, который нес с самого детства. И поэтому возраст Розы был для нее горем и заботой. Ей осталось жить мало. Кто займет ее место возле Луиджи? Кто будет ухаживать за ним, когда у него жар, кто будет его кормить? Она не упускала ни одной возможности сказать ему это, но не получала ответа.

Ее любовь к питомцу была огромной, но она его не понимала. Она не могла объяснить себе, почему его не интересуют деньги, люди, привязанности. Он не поддерживал ника-

ких отношений с жившей далеко родней и не управлял своим имуществом. Если бы Роза не вела его имущественные дела с присущими ей дотошностью и простотой, его двоюродные братья, эти змееныши, сожрали бы все. А ему все безразлично. Для него имеет значения только его проклятая работа. А вечера он проводит в своей комнате – слушает по радио музыку американских негров или читает.

«Бедная старушка желает снова слышать в доме детские голоса, – думала она о себе. – И желает спокойно ждать конца».

Она подумала о баронессе. У матери Луиджи были те же зеленые глаза и та же печальная улыбка, что у сына, и те же нервные движения ладоней. И та же привычка молчать.

Роза в очередной раз спросила себя, сумела ли она выполнить поручение, которое ей дала эта хрупкая женщина.

Доктор Модо пришел на свое рабочее место примерно в два часа. В одной руке он держал платок и вытирал им лоб, в другой руке был кошелек, а шляпу он зажал под мышкой.

– Не могу понять, почему люди дают себя убить всегда именно таким образом и в такое время, что я пропускаю обед. Что, в городе нет другого судмедэксперта?

Услышав на лестнице это обычное для доктора ворчанье, Майоне сразу же пошел ему навстречу.

– Здравствуйте, доктор. Что вы мне скажете нового?

– А что нового я должен вам сказать, бригадир? Бедняга

доктор всю ночь работал с четырьмя кретинами, которые решили пробить один другому головы, пока не заметил, что в больнице никого нет, кроме того лысого на фотографии с его же автографом. И как только этот доктор делает шаг, чтобы пойти отдохнуть, приходит ваш полицейский и зовет его сюда. Вы нарочно так со мной поступаете, нарочно!

– Нет, доктор, боже упаси! Я хотел спросить у вас про ту синьору, которую привел к вам сегодня утром. Ту, у которой... в общем, у которой резаная рана. Как она себя чувствует?

– А, синьора Руссо! А как она может себя чувствовать, бригадир? Ее искалечили. Я сделал что мог, но эта сторона лица изуродована. Даже веко: оно было опущено в момент ранения. Мне пришлось попотеть. А она ни разу даже не застонала. Сложила руки на животе, смотрит перед собой в одну точку, и ни звука. Только в какой-то момент у нее из глаз скатилась слеза.

– Кто-нибудь приходил к ней, пока вы ею занимались?

– Нет, никто. Она сказала мне, что у нее есть сын. Но сын работает, хотя еще ребенок. Может быть, он до сих пор ничего не знает. Какая жалость! Поступок настоящего злодея: она такая красавица. А голос у нее, бригадир... какой голос, теплый и нежный. У вас есть предположения, кто это мог быть?

– Нет. Пока нет, но хочу расследовать этот случай подробней. Вы оставили ее в больнице, как я просил?

– Конечно, иначе с такой раной ей ничего не стоило получить тяжелое заражение. Знаете, на Карсо я такого насмотрелся... Конечно, я оставил ее в больнице. Там вы ее и найдете, по крайней мере, до сегодняшнего вечера. Но идите к ней скорей: вы же знаете, что у нас мало коек.

За это время к собеседникам подошел Ричарди.

– Bravo, наш доктор! У меня есть для тебя клиентка, но не торопись: она никуда не спешит.

– Ба, вот и Ричарди, князь тьмы! Я так и предполагал, что все эти вызовы в нерабочее время – твоих рук дело. У тебя же нет своей жизни. Такое могло случиться только со мной. А ведь я едва не ушел на пенсию.

– Хотел бы я посмотреть на тебя в этом случае! Если уйдешь, ты станешь одним из тех старых зануд, которые всегда путаются у других под ногами и дают советы, когда их не просят.

– Ты угадал насчет советов: когда я уйду на пенсию, то наконец скажу все, что у меня на сердце. За это меня сошлют куда-нибудь на границу, на какой-нибудь красивый остров, где много женщин. И тогда я больше не буду видеть твою бригадир, не в обиду тебе будь сказано, грубую рожу.

Ричарди и Модо были связаны странной дружбой, которая выражалась во взаимных грубостях. Только доктор смел обращаться к комиссару на «ты», и только он понимал его иронию.

– Хватит, доктор. Иди познакомься с пожилой синьорой,

которая ждет тебя с самого утра. Но не спеши: она больше
никуда не уйдет.

Ричарди, стоя в стороне, наблюдал за тем балетом, который каждый раз исполнялся после убийства. Сцены были разные, но труппа исполнителей почти всегда оставалась одна и та же: доктор, фотограф, пара полицейских, Майоне и он сам. У каждого была своя партитура и своя хореография. Каждый следил за тем, чтобы не зайти на территорию другого, и старался выполнить свою работу. При этом они разговаривали, делали замечания, даже смеялись. Такая же работа, как всякая другая.

Из-за спины полицейского в дверях, которому поручено не допускать посторонних на место преступления, светятся нездоровым любопытством глаза. Люди высматривают подробности, которые можно преувеличить и вставить в рассказы. Эти рассказы разлетятся по кварталу и будут много дней подряд оживлять разговоры между соседями по дому, друзьями и членами семей. Все та же история каждый раз.

Ричарди делил преступления на два вида: с ясной сутью и со скрытой сутью. У первых все основные элементы видны с первого раза, при первом прикосновении к ним. Мужчина с пистолетом в руке лежит на трупе женщины, и у обоих лица изуродованы выстрелами с близкого расстояния. Раздавленный мужчина на земле и другой мужчина на третьем этаже, который осыпает его руганью, требуя, чтобы тот встал

и получил остальное. Лежащий бандит, у которого из куртки торчит нож, словно рукоятка засунутого под мышку зонтика; другой бандит, которого удерживают четверо прохожих, еще продолжает выкрикивать ему в лицо свою ненависть. Тут суть событий очевидна. Никаких сомнений нет; остается лишь немного навести чистоту и написать гору актов.

А вот скрытая суть: тенор обнаружен с перерезанным горлом в гримерной, и у многих были очень веские причины желать его смерти. Проститутка, которой кто-то распорол живот исчезнувшим ножом в комнате, где за день бывают, сменяя друг друга, десятки людей. Богатый синьор убит в толпе на празднике жителей квартала, и никто ничего не видит.

Старая женщина, бедная и безобидная, «святая», которую все любили, жестоко забита до смерти ногами и палкой. При мысли об этом у комиссара возникло неприятное чувство, что будет нелегко докопаться до сердцевины этого преступления и отыскать его суть.

Его внимание привлек Майоне. Бригадир сидел на корточках возле ковра, стараясь ничего не сдвинуть с места и ничего не коснуться. При своих внушительных размерах он в этой позе напоминал алебастрового будду, почему-то одетого в полицейскую форму.

– Посмотрите сюда, комиссар! Кто-то ходил по крови. Здесь есть следы ног.

Ричарди подошел к нему и внимательно посмотрел на пол. Действительно, там были видны по меньшей мере два отпе-

чатка ног – один большой и жирный, другой более слабый. И третий, ближе к центру комнаты, большой, словно кто-то волочил ногу. Майоне указал на этот третий и стал объяснять дальше:

– Это след той ноги, на которую негодяй опирался, когда пинал ее другой. Смотрите, он два раза поскользнулся в крови. – И бригадир показал на другой участок черной лужи. – А здесь и здесь, похоже, кто-то шел на цыпочках. Ни у привратницы, ни у девочки обувь не испачкана: я сам это выяснил. Что он делал – балет танцевал?

Ричарди задумался.

– Могло случиться и что-то необычное. Скажем, кто-то вошел позже, когда жертва была уже мертва.

– Ну да. Сколько же народа тут ходило. Здесь что, вокзал? И как получилось, что вчера вечером видели, как она ушла спать, а сегодня в половине десятого утра ее уже нашли мертвой?

Из спальни донесся голос Чезарано – второго полицейского.

– Комиссар, бригадир, идите сюда!

Полицейский стоял рядом с комодом и держал в руке тетрадь. Это была школьная тетрадка в черной обложке с красным обрезом. Ричарди взял ее.

– Она была здесь, под простыней, – объяснил Чезарано.

На каждом листе было число – может быть, дата. Это был список имен с числом около каждого из них. Похоже на рас-

писание. К каждому имени были добавлены несколько слов, написанных дрожащей рукой, большими наклонными буквами, с ошибками. Ричарди прочел наугад:

«9. Польверино, мужчина, маладая любовница, мало денег.

10. Ашионе.

11. Импарато, женщина, атец умер, денег достаточно.

12. Дель Джудиче, женщина, муш ее бьет.

14. Ла Кава, мужчина. Надо плотить долг, денег мало, колбасник.

15. Поллио.

17. С. Ди А., фстретила мужчину своей жызни.

18. Коццолино, женщина, жиних беден, ее хочет богатый старик. Прасить достаточно».

Ричарди посмотрел на Майоне почти с улыбкой:

– Наш умелый Чезарано нашел книгу, где записано будущее клиентов святой женщины вместе с тарифами. Идем к доктору, послушаем, что он скажет.

Когда они подошли к Модо, он посмотрел на них, встряхнул головой и сказал:

– Она умерла уже после первого удара палкой, в этом нет сомнения. Посмотрите сюда: череп проломлен, мозг вытек наружу. В больнице я смогу сказать тебе подробней, но, по моему, убийце даже не нужно было бить с такой силой. Ее кости стали хрупкими от остеопороза, она могла бы умереть даже от умело нанесенной пощечины. И почему только люди

делают такие гадости?

Ричарди ничего не ответил и продолжал смотреть на сверток, который Майоне поставил вертикально, словно одетый манекен или куклу. Старая сломанная кукла.

Майоне сердито глядел на все это, словно ему нанесли личную обиду.

– А потом? Что было после первого удара?

– Другие удары, минимум три, по голове, тем же тупым предметом – возможно, тростью или зонтом, не знаю точно. Потом, как ты уже видел, он стал ногами гонять ее тело по комнате. У нее во многих местах сломаны ребра; может быть, и позвоночник перебит, этого я еще не знаю, должен посмотреть. Существуют же такие головорезы! Сколько человек били, я не знаю: надо выяснить, все ли следы ударов на теле имеют одинаковое происхождение. Ты должен привезти ее мне в больницу. Я дам тебе ответ завтра вечером.

– Дай его завтра утром. Я знаю, ты сильный, как мастино. – К утру я не успею! – возразил доктор. – Я же не супермен! Мне надо немного поспать, а чтобы уснуть после такого дня, придется даже напиться. Всему свое время.

– Протестуй, протестуй, все равно ты это сделаешь. Ты же прекрасно знаешь, что первые двадцать четыре часа – самые важные.

– Если я после смерти снова вернусь на этот свет, в новой жизни буду полицейским, чтобы тоже командовать докторами. Ладно, сделаю все, что смогу. Вели принести ее мне в

больницу. Через пару часов я тоже приду туда, и тогда посмотрим.

Продолжая ворчать, доктор Модо ушел, ни с кем не попрощавшись. Майоне приложил руку к козырьку фуражки, полицейские отдали честь. Ричарди устало улыбнулся и ничего не сказал. Он повернулся к призраку со сломанной шейей. «Хосподь не купец, который плотит по субботам», – сказала призрачная старуха. И, говоря это, сделала маленькое движение, которого он раньше не замечал, – шевельнула плечом, словно отодвигая кого-то.

Затем Ричарди повернулся к трупу и представил себе его положение перед тем, как доктор Модо сдвинул его с места, а потом – положение перед тем, как труп начали пинать ногами. После этого он снова посмотрел на ту сторону ковра, которая была дальше от стола и ближе к жалкому старому дивану.

Он наклонился и стал внимательно изучать пол. Под диваном он увидел коробку из-под печенья, вытянул руку и осторожно подтащил находку к себе. Крышка была полуоткрыта. На ней было написано: «Печенье „Мария“». Майоне подошел к комиссару, взглянул ему в глаза, а потом, помогая себе платком, открыл коробку до конца. Коробка оказалась полной.

Она была до самого верха набита вексельями, на которых остались пятна засохшей крови.

Майоне быстро шагал за комиссаром по улице, которая вела из чрева квартала Санита к полицейскому управлению, и рассеянно поглядывал по сторонам. Он хорошо знал, на какую злобу способны симпатичные люди, населяющие центр города, и как быстро их доброта и сочувствие, широкие улыбки, поклоны превращаются в насилие, и руки начинают украдкой поднимать с мостовой камни, готовясь бросить их в ненавистных полицейских.

Защищая Ричарди, бригадир шел на расстоянии метра сзади него – достаточно далеко, чтобы не нарушать уединение, но достаточно близко, чтобы вовремя прикрыть его своим крепким телом.

Обычно во время пути Майоне смотрел на затылок комиссара и растрепанные пряди его волос и думал о том, какая нелепость эта привычка Ричарди ходить с непокрытой головой. Это значит пренебрегать чужим уважением и проявлять безразличие к ближним. В городе «людьми без шляпы» называли бедняков без имени и семьи, которые проводили ночи под крышами портиков, а днем очищали чужие кошельки.

Но, к своему удивлению, он не мог не заметить, что никто из смотревших на Ричарди, даже те, кто не знал комиссара, не глядел на молодого сыщика с насмешкой или состраданиями.

ем, скорее – с испугом. В направленных на него взглядах было чувство, которое бригадир не смог бы точно определить – что-то среднее между отвращением и страхом. Майоне был простым человеком, он не умел распознавать оттенки чувств и лишь смутно догадывался, что это такое. Он любил комиссара и хотел бы, чтобы у Ричарди было спокойнее на душе, но был не в состоянии представить его себе счастливым.

Пока они все дальше уходили от очередного трупа и дышали свежим воздухом, которым веяло от леса Каподимонте, бригадиру Рафаэле Майоне никак не удавалось избавиться от мыслей о Филомене Руссо, женщине, у которой с сегодняшнего дня будут два разных профиля.

Он думал о приоткрытой двери, о странном молчании на маленькой пощади в Инжирном переулке, о безжалостных взглядах людей, собравшихся перед квартирой в нижнем этаже, об оскорблении, которое кто-то выплюнул в спину этой бедняжке. Он снова видел каплю крови, которая падает на пол, половину следа, отпечатавшуюся кровью на полу, женщину, которая, прислонившись к нему, шла с ним до больницы и держалась с достоинством и без страха.

Он думал об ужасном разрезе, который рассек ее лицо, – глубоким и ровном. Тот, кто нанес эту рану, не чувствовал ни волнения, ни стыда, ни угрызений совести. И вспоминал о слабом запахе жасмина, который остался на его форменной куртке вместе с пятном крови.

Этот запах был похож на тот аромат, который начинал

пропитывать воздух. Скоро он вырвется на улицы и завершит победу весны над зимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.